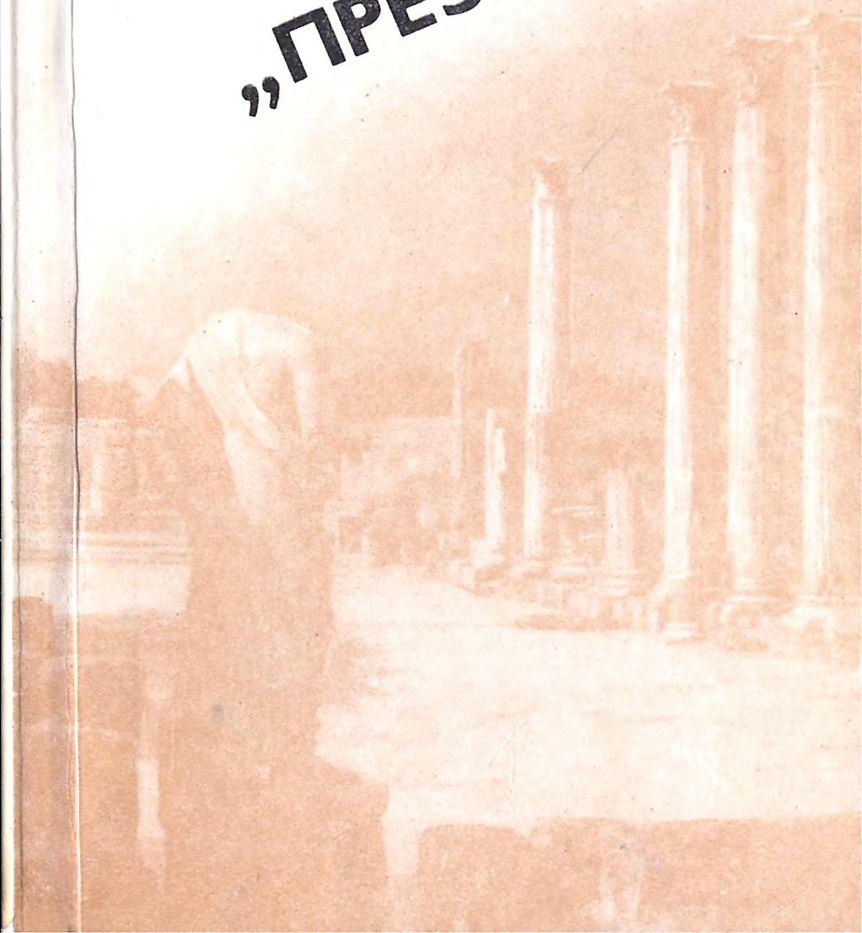

ПО ТУ СТОРОНУ

Виталий Меньшиков

БУМЕРАНГ ОПЕРАЦИИ „ПРЕЗИДЕНТ“

ПО ТУ СТОРОНУ

Виталий Меньшиков

**БУМЕРАНГ
ОПЕРАЦИИ
„ПРЕЗИДЕНТ“**

МОСКВА
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
1984

Художник В. П. Логинов

Меньшиков В. М.

**М51 Бумеранг операции «Президент». — М.:
Сов. Россия, 1984. — 112 с. (По ту сторону).**

Книга раскрывает подрывную деятельность НАТО и ЦРУ в ряде стран Восточного Средиземноморья. Автор, очевидец многих событий, рассказывает о драматических страницах истории Греции в годы господства хунты «черных полковников», о заговорах против Республики Кипр. В книге показаны закулисные связи империалистической реакции с террористической организацией «Серые волки» и другими неонацистскими группами.

0804000000—127
М **М-105{03}84** **КБ—2—5—1984**

327.21

Виталий Михайлович Меньшиков

БУМЕРАНГ ОПЕРАЦИИ «ПРЕЗИДЕНТ»

Редактор Ф. Л. Цыпкина
Художественный редактор Л. Е. Безрученков
Технический редактор Л. А. Фирсова
Корректор Л. В. Дорофеева

ИБ № 4110

Сдано в набор 10.04.84. Подп. в печать 05.09.84. А05954. Формат 84X100/32. Бумага типографская № 1. Гарнитура журнальная рубленая. Печать высокая. Усл. печ. л. 5,46. Усл. кр.-отт. 5,75. Уч.-изд. л. 5,30. Тираж 100 000 экз. Заказ № 1166. Цена 35 к. Изд. инд. ХД-562.

Ордена «Знак Почета» издательство «Советская Россия» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 103012, Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25.

Полет на юг Балкан

(Вместо предисловия)

В 1983 году мне вновь довелось побывать в Греции.

...Эгейское море открылось под крылом самолета в районе Салоник. Тамошняя весна выдалась переменчивой, с неожиданными контратаками отступавшей зимы. Материковую часть севера Эллады забелил снег. Прибрежные скалистые острова легко было принять за айсберги, дрейфующие в синем просторе волн...

— Словно над Арктикой пролетаем,— удивился сосед по авиалайнеру.— А ведь в греческих садах еще апельсины созревают, последние — февральские...

«Айсберги» вызвали у меня ассоциации иного рода. Хотя тоже связанные с холодными дуновениями. Только в климате политическом. И если быть совсем точным — напомнили об одном до конца нераскрытом «досье». Оно помечено грифом «сверхсекретно» в заокеанской штаб-квартире ЦРУ в Лэнгли. Западная пресса окрестила его «кипрским». Подшитые в нем документы («подводная часть» архивного «айсберга») могли бы стать убийственными уликами и неотразимой основой для вынесения самого сурового приговора в отношении лиц (в том числе и очень высокого положения), замешанных в заговоре против Республики Кипр, которому путчисты дали кодовое название «Операция «Президент», причастных к покушениям на жизнь главы островного государства. Эти господа, имеющие доступ к документам из досье, компрометирующим не только правительственные органы, командные инстанции и спецслужбы США и НАТО, но и саму элиту финансовой олигархии, и десять лет спустя после фашистского мятежа в Никосии стремились помешать глубокому расследованию антикипрского заговора.

С этим не хотели и не могли мириться патриоты-демократы ни в Греции, откуда хунта ультраправых генералов дала сигнал к путчу, ни на Кипре; пережившем летом и осенью 1974 года одну из самых кровопролитных трагедий в своей послевоенной истории.

Среди интересовавших меня вопросов, которые хотелось, если представится случай, уточнить в Афинах, один как раз был связан с деятельностью специальной парламентской комиссии, созданной для того, чтобы «открыть», как писала западная пресса, «кипрское досье».

Удастся ли преодолеть закулисное противодействие сил, отнюдь не заинтересованных в рассекречивании его содержимого?

И в стенах парламента, и за его пределами греки понимали значение выяснения до конца всех обстоятельств зловещей операции «Президент». В первую очередь — для необратимости процесса демократического обновления страны, избавления Эллады от растянувшегося на десятилетия военного постоя пентагоновских и натовских баз. Я довольно скоро почувствовал: у греков не было сомнений, беречь или нет до конца еще не зарубцевавшиеся раны.

Их тревожил «заговор молчания», почти непроницаемой стеной отгородивший «досье» от попыток проникнуть в его сокровенные тайны. Он длится уже многие годы. И господа, обладающие властью, влиянием и средствами, не без успеха оставляют в неведении общественность о существенных моментах заговорщической деятельности ряда политических фигур, сыгравших ключевую роль в планировании и осуществлении операции «Президент». Особенно если это касается заокеанских адресатов...

— Комиссия была образована по настоянию всех партий, представленных в греческом парламенте, лишь в конце 1982 года,— сказал при встрече мой старый афинский знакомый, депутат парламента от Коммунистической партии Греции, член Политбюро ЦК КПГ, главный редактор газеты

«Ризоспастис» Г. Фаракос.— Как говорится, лучше поздно, чем никогда. Ведь требование народа — распутать до конца клубок заговора 1974 года — до сих пор не выполнено! Выявление всех нитей, связывавших путчистов с закулисными дирижерами, имело бы исключительно важное значение,— добавил Фаракос.— Борьба за независимость, территориальную целостность Кипра продолжается...

— Те, кто в свое время связывал далекоидущие расчеты с проведением операции «Президент», судя по их действиям после ее провала и банкротства афинской хунты, не отказываются и поныне реализовать свой преступный замысел? — спросил я Фаракоса.

Он не спеша выбил пепел из трубки, с которой никогда не расставался. Долго заминал в мундштуке длинными худыми пальцами свежий табак, раскурил и, сделав глубокую затяжку, тихо произнес:

— Поэтому-то они так не хотят, чтобы до последней страницы было оглашено «кипрское досье»... Но мы, журналисты, тем более свидетели главных событий, связанных с историей антикипрского заговора, могли бы извлечь и связать воедино немало фактов, опираясь на собственное «кипрское досье». Не так ли? — улыбнулся Фаракос.

...Возвратившись в Москву, я последовал совету афинского друга-коммуниста. Вновь были извлечены, «заговорили» собранные за годы корреспондентской работы в Греции и на Кипре документы, записи взятых интервью, еще не опубликованные, «ждавшие своего часа» памятные заметки. В ретроспективе немало из того, что я видел и о чем теперь рассказываю, по-новому осмыслилось. Из разрозненных фрагментов складывалась цепь доказательств. Она, понятно, не могла быть полной. В ней недостает еще некоторых документальных «звеньев». Они замурованы в секретных западных архивах и «досье». А кое-какие из самых компрометирующих и «щекотливых», не исключено, попросту уничтожены.

И все же логически замкнуть цепь улик позволяет сейчас уже многое.

Приобщенная к моему корреспондентскому досье зарубежная информация последних лет, включая телеграммы, передаваемые по каналам мировых агентств из штаб-квартиры ООН, периодически оповещающие о том, что Совет Безопасности вновь продлевает на шесть месяцев «миссию по поддержанию мира на Кипре» двухтысячного контингента войск ООН, побудительно звала снова прикоснуться к одной из «горячих точек» тревожного мира 80-х, почувствовать ее — увы! не остывающий накал.

Она вновь, словно оживший вулкан, возвестила о незатухающей в глубинах этой поистине «сейсмической зоны» Восточного Средиземноморья подрывной деятельности враждебных Кипру сил. Внутренних и внешних. Враждебных территориальной целостности, независимости и политике неприсоединения Республики Кипр. Их активизацию на острове телетайпы мировых агентств зарегистрировали в ноябре 1983 года, когда руководство турецкой общины осуществило сепаратистскую акцию — объявило о создании так называемого «независимого государства» в северной части острова.

Была открыта еще одна мрачная страница «кипрского досье». Не могло быть никаких сомнений: эта сепаратистская акция прямо направлена на раскол республики, она — результат действий сил, разжигающих очаги конфликтов в различных районах мира, стремящихся посеять недоверие и враждебность между государствами и народами.

Телеграммы, поступавшие с Кипра и соседних с ним «зон напряженности», оповещали о том, что сепаратистская акция руководства турецкой общины резко обострила обстановку на острове и вокруг него. Очевидно было и другое. Еще один очаг взрывоопасного характера в регионе «подогревался» не без участия закулисно действующих империалистических сил США, как бы в Вашингтоне ни отреклись тогда от случившегося и сколько бы американская администрация ни выра-

жала своего фарисейского «сожаления» о прошедшем. Ведь «горячая точка» на Кипре, делали настораживающий вывод наблюдатели, может послужить «предлогом» для расширения американского военного присутствия в Восточном Средиземноморье, подготовки непосредственного вмешательства во внутренние дела на острове. Как это уже имело место по соседству с Кипром, в Ливане...

Существование на Кипре «горячей точки» — и об этом свидетельствует вся рейгановская дипломатия «бронированного кулака» в Средиземноморье — позволяет США шантажировать и Грецию, и Турцию. В интригах США вокруг Кипра просматривается и другой расчет: стремление, прибегнув к старому приему колонизаторов — «разделяй и властвуй», максимально разжечь между Афинами и Анкарой военное соперничество. А это было бы на руку вашингтонским «ястребам», рассчитывающим таким путем ускорить милитаризацию Турции и одновременно усилить нажим на Грецию в попытке принудить ее отказаться от самостоятельной внешней политики.

Четко вырисовывался «каркас» конечной цели «кипрской политики» администрации США — превратить обоих южнофланговых союзников по НАТО в послушных вассалов американского империализма.

Тревожные ассоциации и параллели с уже пережитым многострадальным народом Кипра вызывало все это у людей, в той или иной мере причастных к событиям, происходившим на острове в последние десятилетия. Сколько же еще вероломства затаили в своем тайном арсенале враги Кипра? И какими новыми подрывными акциями они замышляют пополнить «кипрское досье» на пути к поставленной цели? Многолико зло, чинимое киприотам... Не все его маски до конца опознаны и сорваны...

Мировое сообщество в этой кризисной ситуации напряженно прислушивалось к тому, что скажет Совет Безопасности ООН.

В связи с возросшей опасностью для целостности кипрского государства он обсудил положение, сложившееся в итоге сепаратистской акции руководства турецкой общины. В принятой Советом Безопасности резолюции она была признана не имеющей никакой юридической силы. Совет Безопасности потребовал немедленной ее отмены и призвал все страны не признавать никакое кипрское государство, кроме Республики Кипр.

...И еще одно обстоятельство побуждало, не откладывая, взяться за перо, углубиться в запутанный лабиринт непрекращающихся империалистических интриг вокруг Кипра.

В сложном переплетении «тайных операций» ЦРУ, спецслужб НАТО и местных крайне правых политиков в странах Средиземного моря просматривается также след преступных акций террористической организации «Серые волки», своего рода штурмовиков фашистской турецкой партии националистического движения (ПНД). Она зарекомендовала себя одной из самых многочисленных и агрессивных среди послевоенных «наследников» гитлеризма. ПНД и ее кадровые убийцы попали в фокус мировой прессы в связи с покушением на папу римского, совершенным 13 мая 1981 года на площади Св. Петра в Ватикане одним из боевиков «серых волков» — террористом Агджой.

22 июля 1981 года из Рима поступило сообщение: городской суд приговорил Агджу за покушение на папу Иоанна Павла II к пожизненному заключению. Казалось бы, в этом «деле» была поставлена юридическая точка над «и».

Внезапно, через пятнадцать месяцев после того, как прогремели четыре пушечных выстрела на площади Св. Петра, и тринадцать месяцев спустя после осуждения ультраправого террориста, буржуазные средства массовой информации повели явно оркестрованную из одного подрывного центра «психологической войны» шумную клеветническую кампанию против Болгарии, на все лады муслируя фальшивку о некой причастности социа-

листических стран к покушению на жизнь папы римского.

Словно сквозь череду ушедших в вечность десятилетий прорвался в наши 80-е годы зловещий отблеск провокационного поджога рейхстага, совершенного в ночь на 27 февраля 1933 года самыми «благонадежными штурмовиками» Геринга. Поджога, организованного по его личному приказу и «по желанию фюрера», чтобы потом, как засвидетельствовал, давая показания Нюрнбергскому международному трибуналу гестаповский чиновник Гизевиус, «...все свалить на головы коммунистов...» и под этим предлогом развязать массовый террор, начать «крестовый поход» коричневорубашечников со свастикой.

«За поджогом рейхстага,—запишет один из хроникеров суда над главными нацистскими преступниками известный советский юрист А. И. Полторак,—последовала длинная полоса ужасных преступлений нацистов против свободы и достоинства немецкого народа, а затем и других народов Европы. И одним из самых злых демонов этой кровавой драмы был Герман Геринг...»

В числе этих преступных деяний фашистов была и попытка обвинить в поджоге рейхстага коммуниста-болгарина Георгия Димитрова. (Известно, чем закончилась эта грязная провокация против видного представителя международного коммунистического и рабочего движения. Из «обвиняемого» Димитров стал обвинителем гитлеровского фашизма!).

«Злым демоном» антиболгарской крупномасштабной провокации на сей раз выступило Центральное разведывательное управление США.

...Когда в Польше стал угасать пожар, раздутый империалистическими силами, напомнило в марте 1983 года Болгарское телеграфное агентство (БТА), западные центры политической диверсии начали готовить новую провокацию, на сей раз против Болгарии. Начало этой тщательно спланированной и организованной клеветнической антиболгарской кампании было положено американским журналом «Ридерс дайджест», прибегшим к услу-

гам журналистки Клер² Стерлинг, платной сотрудницы ЦРУ, которая первой выдумала басню о том, что террорист Мехмед Али Агджа, стрелявший в папу римского, выполнял «коммунистический план», а указания получил из Софии. В действительности же существовал антикоммунистический план, причем долгосрочный, состряпанный в Вашингтоне, в духе «крестового похода», провозглашенного президентом Рейганом в его выступлении в английском парламенте 8 июня 1982 года.

21 сентября 1982 года клеветнический спектакль против социализма был дополнен новым «сенсационным сюжетом» — «документальным фильмом» американской телевизионной компании «Эн-Би-Си». Так, с территории США, продолжает БТА, начала раскручиваться чудовищная провокация, острее которой было направлено против Софии и Москвы. Последовавший затем откровенно грубый нажим со стороны администрации США на органы правосудия Италии — почему-де итальянский суд не увязывает покушение на папу римского с Болгарией — возымел действие: 25 ноября в Риме был арестован болгарский гражданин Сергей Антонов по обвинению в... соучастии в покушении на папу 13 мая 1981 года.

27 ноября Болгарское телеграфное агентство было уполномочено заявить, что арест С. Антонова — это незаконный, произвольный и абсолютно ничем не оправданный враждебный акт против Народной Республики Болгарии.

Арест официального представителя болгарской авиакомпании «Балкан» С. Антонова в Риме, сказал на пресс-конференции в Софии главный редактор БТА Боян Трайков, — это не что иное, как политическая провокация. Цель политических инсинуаций и пропагандистской кампании — дискредитировать проводимую НРБ и другими социалистическими странами политику взаимопонимания и сотрудничества между народами.

Этот «грязный трюк» специалистов по «тайным операциям» из Лэнгли той же колоды, что и операция «Президент». Выражаясь языком кримина-

листов, у них один и тот же «преступный почерк». «Пробой пера», «проверкой стратегии будущего» назвал «одну из самых секретных, самых злобных, самых коварных войн нашего времени — тайную, изощренную, жестокую войну» против народа Чили, завершившуюся 11 сентября 1973 года убийством президента Сальвадора Альенде и установлением власти фашистской диктатуры Пиночета, один из авторов документального сборника «Заговоры ЦРУ» Давид Антонель. Тем же коварным и изощренным «пером», заточенным «рыцарями плаща и кинжала» из ЦРУ, были написаны и самые зловещие страницы операции «Президент». Той же рукой в Лэнгли, как увидит читатель, выписывались чеки на оплату долларами кровавых преступлений «серых волков».

Прологом или, если хотите, увертюрой операции «Президент» стали драматические события в Афинах, разыгравшиеся в ноябре 1973 года. Именно тогда на улицах греческой столицы — под лязг танковых гусениц и пулеметную стрельбу по безоружным афинянам — была смоделирована вашингтонская стратегия расправы над инакомыслящими, всего лишь несколькими неделями раньше опробованная ЦРУ и ее чилийской фашистской агентурой в центре Сантьяго.

Трое суток в осаде

— Вот этим пистолетом я раскрою голову каждому, кто взбунтует против нашей революции! — неистовствовал диктатор, когда ему доложили: «...Сотни студентов политехнического института и присоединившихся к ним молодых афинских рабочих забаррикадировались в стенах вуза и отказываются повиноваться властям...»

Главаря хунты «черных полковников» охватил животный страх. Произошло непостижимое: в цитадели военно-фашистского режима, в центре столицы, его безоружные враги (Пападопулос был точно информирован — на территории института нет ни одной единицы огнестрельного или холодного оружия) подняли флаг восстания. Инстинкт палача все же подсказывал: если «бунтовщики» не побоялись вздернуть на виселицу олицетворяющее диктатора чучело, значит, лава всенародного гнева прорвалась под самый фундамент террористического господства его самого и всей правящей клики...

Но в тот ноябрьский вечер 1973 года Пападопулос, как всякий обанкротившийся диктатор, все еще не верил, что пробил его последний час. Узурпатор, захвативший власть путем военного переворота 21 апреля 1967 года (свой фашистский путч «черные полковники» демагогически провозгласили... «революцией»), надеялся потопить в крови бесстрашное и мужественное выступление греческих юношей и девушек против семилетней тирании «самых верных союзников» США.

Газовая атака

...16 ноября 1973 года после полудня по Афинам из уст в уста передавалась весть, воспламенившая надеждой сердца патриотов и демократов:

«...Возле политехнического тысячные толпы афинян братаются с повстанцами, гремят лозунги «Долой хунту!», «Долой диктатора Пападопулоса — ставленника американского империализма и НАТО!»

Под вечер я сел в машину и направился в центр города, к институту. Хотелось увидеть собственными глазами извержение «Везувия народного гнева». Ведь его так долго ждала Эллада...

Казалось, все Афины устремились удостовериться в том, что устои фашистского режима зашатались, на улицу Патиссиу, где расположен политехнический. Тысячи автомобилей сплошным потоком спускались по проспекту Александрас. Толпы народа запрудили кварталы, прилегающие к институту. У перекрестка с Патиссиу, всего лишь в нескольких метрах от меня, движение внезапно застопорилось. Его перерезала колонна полицейских бронетранспортеров грязно-зеленого цвета, направляясь к политехническому. Отчетливо были видны каски карателей, изготовившихся к стрельбе. И когда бронетранспортеры врезались в толпы демонстрантов, на головы людей обрушились залпы из ракетниц, заряженных патронами со слезоточивым газом.

Я увидел, как над бортом замыкающей машины приподнялась фигура полицейского. Он взмахнул рукой и что-то швырнул в самую гущу людей. Громыхнул взрыв. Над мостовой взметнулось сізое облако. Вскоре весь квартал окутал ядовитый туман. Газ проник и в кабину моей машины, его затянуло вентилятором работающего двигателя. Острой болью резануло глаза. Горло перехватил удушливый кашель.

Выводя машину из района полицейской атаки, я видел, как разрозненные группы демонстрантов и отдельные прохожие, спасаясь от слезоточивого газа, прижимали к лицам платки. Многие шли согнувшись, содрогаясь в судорожном кашле...

За закрытой дверью «Комитета-40»

Обстановка в столице Греции обострялась с каждым часом. События вокруг политехнического поставили под вопрос способность хунты «черных полковников» во главе с Пападопулосом сохранить контроль и власть над столицей и страной. Все это побудило Белый дом снова открыть «ящик Пандоры» ЦРУ и применить в Греции механику «секретных операций».

...Просторный кабинет помощника президента США по вопросам национальной безопасности. Высокие окна выходят в парк перед Белым домом.

На столе под рукой у Генри Киссинджера — расшифрованные секретные телеграммы от посла США в Афинах Г. Таска. Рядом — от резидента ЦРУ, американского военного атташе и пентагоновского генерала — руководителя «ДЖЮСМАГ». Эта так называемая «объединенная военная группа Соединенных Штатов» — ключевой инструмент в руках Пентагона на земле Эллады. «ДЖЮСМАГ» контролирует многочисленные американские специальные военные миссии и службы, действующие в Греции.

Тон у всех депеш тревожный. Картина вырисовывалась неутешительная. На какое-то мгновение «вашингтонский Меттерних» ощутил себя в положении акробата, у которого под самым куполом цирка выскользнула из рук планка трапеции...

Быть может, мелькнула и пугающая мысль: «Такого промаха здесь не простят...» Ведь то, что происходило в Афинах и других крупных городах Греции, грозило перечеркнуть плоды целых десятилетий самого грубого и откровенного империалистического вмешательства США во внутренние дела этой страны. Почва уходила из-под ног «дяди Сэма» на очень важном плацдарме военного присутствия США — на стратегическом перекрестке трех континентов! Греция была и одной из «точек опоры» нефтяной империи Рокфеллеров в Восточном Средиземноморье на пути к ближневосточному «черному золоту». Об этом никогда не за-

бывал Киссинджер: ведь покровительство рокфеллеровского «Чейз Манхаттан банк» и его главы открыло ему двери в Белый дом! Еще и еще раз вспоминал помощник президента США фразу, оброненную тогдашним хозяином Белого дома Р. Никсоном на пресс-брифинге в Вашингтоне: «Без военной помощи Греции и Турции у нас нет жизнеспособной политики сохранения Израиля». Подразумевалась, разумеется, американская помощь афинским диктаторам...

И вот эти-то интересы Америки Рокфеллеров оказались поставленными на карту!

Уже с конца октября 1973 года, направляясь в Овальный кабинет с аналитической сводкой важнейших событий в мире за истекшие сутки и ночь, Киссинджеру пришлось внести в список «критических пунктов» и Афины. Хозяин Белого дома с нарастающим раздражением выслушивал агентурную информацию о студенческих волнениях в Греции, где, казалось, хунта беспощадным массовым террором давно уже должна была задушить всякую оппозицию военно-фашистской диктатуре и ее раболепному прислужничеству США.

А ведь первый сигнал из Афин не предвещал вроде бы, с какой грозной лавиной возмущения греков придется столкнуться Вашингтону.

...Началось все с молодежной демонстрации у здания Афинского университета. Полиция насчитала около 200 участников. Студенты правового факультета возмутились правительственным декретом, по которому хунта — в качестве репрессий за активные выступления против диктаторского режима — забривала непокорных студентов в рекруты, насильно направляла служить в армию.

«Народ вместе с нами!», «Долой хунту и НАТО!», «Мы не хотим повторения Чили!» — скандировали демонстранты. Несколько десятков рабочих покинули леса строящегося дома, неподалеку от площади Омонии, и присоединились к студенческой демонстрации.

То, что греческие «бунтовщики» упомянули Чили, надо думать, вызвало особую ярость в Оваль-

ном кабинете Белого дома. Всего лишь несколько недель календарно отделяли афинскую демонстрацию от зловещего финала «тайной операции», осуществленной ЦРУ по личному приказу Никсона в Сантьяго.

В не меньшей степени, чем президент США Р. Никсон, к заговору ЦРУ против Чили, как и к «кровавой бойне» в Афинах в ноябре 1973 года и второму военному перевороту в столице Греции, были причастны еще несколько его приближенных из руководящих сфер вашингтонской администрации. Упомянем лишь «ключевые фигуры» — координаторов тайных подрывных акций ЦРУ: Г. Киссинджер, директор ЦРУ Р. Хелмс и сменивший его на посту главы шпионского ведомства США У. Колби, тогдашний руководитель штата сотрудников Белого дома, будущий верховный главнокомандующий объединенными вооруженными силами НАТО и госсекретарь в администрации Р. Рейгана — А. Хейг. Над горами трупов чилийских демократов и патриотов, за спиной главного палача фашистской хунты Пиночета, прячась в тени политических кулис, стояли и эти вашингтонские творцы «стратегии международного террора», опробованной в Чили и продолженной ими в Греции, на Кипре, в Ливане, против Никарагуа...

В материалах из докладов комиссий Черча, Эрвина и Рокфеллера, созданных в 1975 году администрацией президента Дж. Форда и расследовавших скандальные дела ЦРУ (в том числе заговоры с целью убийств глав ряда стран и свержения неугодных Вашингтону правительств), можно встретить немало документов, которые рисуют ход мыслей и раскрывают действия душителей свобод и демократии из высших эшелонов правящей элиты США. Обратимся лишь к некоторым штрихам в поведении Никсона, Киссинджера и руководителей ЦРУ периода реализации Вашингтоном античилийского заговора. Это поможет нащупать главную нить в том, что тайно предприняли Белый дом и Лэнгли в разгар «греческого кризиса» в ноябре 1973 года.

«Президент Никсон, бесспорно, хотел, чтобы Хелмс вдохновил чилийскую армию на совместные с ним действия или на самостоятельную борьбу с Альенде»,— письменно подтверждает Киссинджер. Теперь о нем самом и его роли в «грязных делах» Лэнгли. Решения директивного характера, касавшиеся «тайной операции» ЦРУ против Альенде, получали «верховную санкцию» и анализировались в так называемом «Комитете-40». Его-то председателем и был помощник президента США по вопросам национальной безопасности. «Повестка (заседаний «Комитета-40».— В. М.) обычно выдвигалась ЦРУ после консультации с моим офисом»,— подтверждает Киссинджер в своих мемуарах «Годы в Белом доме». Таким образом, Киссинджер был в курсе самых важных фаз заговора ЦРУ. Знал он и о таких «грязных операциях» подручных Хелмса, как похищение и убийство министра обороны Чили генерала Рене Шнейдера, лояльного президенту Альенде. Эту террористическую акцию осуществила группа чилийских военных, враждебных республике, в самом тесном контакте с ЦРУ и американским военным атташе в Сантьяго. Этот факт подтвердил А. Хейг в своих показаниях комиссии Черча. Он признал, что «в свое время, возможно, знал, что ЦРУ было связано с двумя разными группами военных заговорщиков» в Чили. Более того, Хейгу пришлось вспомнить и тот факт, что он «вообще в то время играл роль непосредственного информатора Киссинджера» о ходе подготовки заговора против правительства Чили и президента Альенде.

Попробуем ответить на вопрос: какими критериями руководствовался председатель «Комитета-40» Киссинджер (а вместе с ним и другие «посвященные»), выполняя инструкции президента США об организации антиправительственного переворота в Чили? Выяснение этой детали заговора ЦРУ поможет уточнить и побудительные мотивы вашингтонских «дирижеров» кровавого побоища в Афинах и последовавшего за ним «дворцового» военного переворота в Греции.

«Комитет-40», как известно, был учрежден президентской директивой «АМ-40». В соответствии с ней открытые акции правительства США дополнялись за рубежом тайными операциями. Директива «АМ-40» возлагала ответственность за контроль и координацию тайных операций на директора ЦРУ. Шефу Лэнгли вменялось в обязанность планировать и проводить тайные операции в соответствии с задачами внешней и внутренней политики США. Он должен был консультироваться со всеми заинтересованными учреждениями и организациями и получать от них «добро», четко соизмеряя, кому и сколько нужно знать. Директива «АМ-40» определяла и роль «Комитета-40». В ней, в частности, указывалось, что в обязанности директора ЦРУ входит получение одобрения на все основные и политически щекотливые программы «тайных операций» от «Комитета-40».

Генри Киссинджер мог присутствовать или не быть на том или ином заседании «Комитета-40» в годы «секретной войны против Чили», но направлял он его деятельность достаточно жестко и целеустремленно в соответствии с инструкцией хозяина Белого дома. Решения и директивы «Комитета-40» вырабатывались неизменно в духе тех концепций, которые были с неприкрытым цинизмом сформулированы еще в сентябре 1954 года руководителями ЦРУ в секретном докладе о тайных операциях, представленном президенту Дуайту Эйзенхауэру:

«В интересах национальной политики важным требованием является создание агрессивной, тайной, политической и полувоенной организации, более эффективной и безжалостной, чем та, которой пользуется противник. Никому не разрешается препятствовать быстрому, энергичному и надежному осуществлению этой задачи».

Итак, действовать агрессивно, тайно, эффективно и безжалостно — такова одна из первейших заповедей господ, заседавших под началом главного помощника президента США.

«В настоящий момент ясно, что перед нами —

непримиримый враг,— наставляет будущих организаторов «тайных операций» этот документ, ставший «евангелием» руководства ЦРУ.— В такой игре нет правил. Поэтому обычные нормы человеческого поведения здесь неприемлемы... Мы должны создать эффективные службы шпионажа и контршпионажа и научиться проводить подрывную деятельность, саботаж и познакомить с этим американский народ, чтобы он понимал и поддерживал эту в основе своей отталкивающую философию».

Что из себя на практике означала эта «отталкивающая философия», увидели не только чилийцы, но и греки. Руководствуясь этой бандитской «философией», ни хозяева Белого дома, ни члены «Комитета-40», ни «рыцари плаща и кинжала» из Лэнгли, разумеется, не испрашивали согласия на проведение «тайных операций» у американского народа.

Правители монополистической Америки не отступили ни на йоту от своей «отталкивающей философии» и тогда, когда по приказу Никсона ЦРУ раскручивало пружину заговора в Чили, и тогда, когда «Комитет-40», реагируя на события в Греции, вновь прибег к арсеналу «тайных операций», террора, заговоров и убийств.

Дата фашистского путча в Сантьяго и гибели Сальвадора Альенде в пылающем дворце «Ла Монедра» — 11 сентября 1973 года. Кровавая расправа хунты «черных полковников» над безоружным восстанием афинской молодежи последовала в ночь с 16 на 17 ноября того же года. Интервал между этими двумя преступными акциями наймитов американского империализма исчисляется считанными неделями. И для Белого дома и Лэнгли применение «чилийской модели» тайной закулисной борьбы с демократами-патриотами на сей раз в Греции было лишь следующим шагом по проторенной тропе международного терроризма на государственном уровне.

Назначенный в мае 1973 года новый директор ЦРУ Уильям Колби следовал по стопам «отталкивающей философии» своего предшественника Ри-

чарда Хелмса, представляя на одобрение «Комитета-40» свою программу «тайных операций» в Греции. В основу закулисного вмешательства ЦРУ, как показали развернувшиеся в Афинах события, тоже легло соответствующее распоряжение президента США Р. Никсона, сформулированное в духе «решения чилийского вопроса». С той лишь разницей, что смоделированы были «тайные операции» применительно к ситуации в Афинах. Там, в Чили, Белый дом помогал местным ультра свергнуть законное правительство Альянде и душить демократию, чтобы привести реакционную военщину к власти. В Греции же Вашингтону пришлось заботиться о том, чтобы военно-фашистский режим удержался у власти, задушив антидиктаторское выступление учащейся и рабочей молодежи.

То, что произошло в ноябре 1973 года в Афинах вслед за кровавой драмой в Сантьяго, вынесло на поверхность глубинные элементы американской политики государственного терроризма, которые замышляются «на верхних этажах» коридоров власти Соединенных Штатов, свидетельствуя, по словам авторов книги «Заговоры ЦРУ», о ее «пошлости, бесстыдстве, расизме, алчности, бредовых претензиях на неограниченную власть».

Ночь кровавой расправы

...К вечеру 16 ноября обстановка в столице Греции накалилась до предела.

Из района Психико за скалистой горой, на гребне которой расположились многие посольства, корреспондентские пункты и бюро иностранных агентств и газет, виднелось багровое зарево, обжигавшее небо над центром Афин. Там полыхали баррикады, спешно воздвигнутые демонстрантами на пути карателей хунты. Ближе к полуночи снизу, где протекает улица Марафон-дромос, неподалеку от «Пентагона» (так окрестили афиняне министерство обороны Греции) и виллы диктатора Пападопулоса, донеслось железное лязганье и рев мото-

ров. К политехническому институту хунта двинула танки...

Для большинства афинян ночь на 17 ноября была бессонной. В обход жесточайшей цензуры корреспонденты узнавали отрывочные сведения о том, что происходило за кордонами плотного полицейского оцепления в центре столицы. «...Идут кровопролитные столкновения между студентами и солидарными с ними группами населения, с одной стороны, и крупными силами полиции — с другой. Имеются убитые и раненые...», «...Правительство обратилось за помощью к армии...», «...Демонстранты предприняли попытку захватить ряд правительственных зданий...» — информировали друг друга по телефону журналисты, которым удалось побывать на месте событий.

Где-то между двумя и тремя часами ночи с той стороны, где находился политехнический институт, слышались выстрелы, раскатистая дробь пулеметов.

Я вышел из дома. По черному бархату неба металась тревога. Казалось, сама земля вздрагивала от грозового эха усилившейся пальбы и пулеметных очередей. Уже не переставая, выстрелы терзали центр города. О том, что творилось у стен политехнического, можно было только догадываться...

Тягостно длинной была эта ночь. Мучила неизвестность исхода неравной борьбы там, в районе политехнического...

До полудня 17 ноября иностранным корреспондентам, аккредитованным в Афинах, пришлось довольствоваться скудным текстом официального правительственного заявления о событиях минувшего вечера и ночи. Вручили его нам в пресс-секретариате при премьер-министре. Картину событий официоз рисовал в самых общих чертах, тщательно затушевывая карательно-террористическую функцию, исполненную хунтой «черных полковников» со старанием заправских палачей.

В пресс-релизе было, в частности, упомянуто, что в демонстрациях участвовало свыше 10 тысяч

человек, а подступы к центру Афин были перегорожены сотнями автобусов и троллейбусов. «Около 2 часов ночи,— прочел я в правительственном сообщении,— в район политехнического института прибыли бронетанковые и пехотные подразделения, которые поступили в распоряжение управления полиции Афин, с их помощью были убраны баррикады и открыты ворота политехнического института».

Попытка хунты свести вмешательство армии к роли «подсобного коммунального отряда» городской полиции, как с горькой иронией комментировали даже лояльные режиму греческие журналисты, служившие в бюро западных агентств, не могла, конечно, ввести в заблуждение иностранных журналистов. Они в один голос отмечали нарастание кризисной ситуации в столице, страх, злобу и смятение властей.

Хунта резко усилила массовый террор. В тот же день 17 ноября диктатор Пападопулос в кратком заявлении по радио объявил о введении во всей Греции военного положения.

...Улицы Афин выглядели необычно пустыми. Повсюду на перекрестках, держа пальцы на спусковых крючках автоматов, контролировали замершую жизнь двухмиллионного города военные и полицейские патрули.

Когда я возвращался из пресс-секретариата на корпункт «Правды» в Психико, машину несколько раз останавливали патрули. Придирчиво осматривали документы, специальный пропуск для передвижения, выданный иностранным корреспондентам ведомством по делам печати при премьер-министре. Заглядывали патрули и в кабину — нет ли «посторонних». Требовали открыть багажник...

Нарушение приказа военного командования о соблюдении комендантского часа, оповестила хунта жителей всех городов и крупных населенных пунктов страны, каралось немедленным арестом и преданием суду военных трибуналов. Они вновь заработали «на полных оборотах».

...Радиоприемник в машине, чередуя с военны-

ми маршами, передавал приказы военного командования. Запрещалось всякое скопление людей, любые уличные демонстрации и общественные зрелищные мероприятия на открытом воздухе.

Хунта явно торопилась запугать как можно большее число людей. Весь день 18 ноября афинское телевидение, подконтрольное диктаторскому режиму и армии, прокручивало кадры кинохроники, снятые греческими операторами (в том числе и с борта военного вертолета) над городом и в кварталах столицы, где произошли кровопролитные столкновения между безоружными многотысячными участниками студенческих и рабочих демонстраций и карателями «черных полковников». Миллионы греков увидели следы жестокой расправы войск и полиции над восставшими патриотами и демократами: следы пожарищ, остатки баррикад, разгромленных танками хунты на пути к политехническому институту, ужасающую картину погрома, учиненного на его территории ворвавшейся солдатней и жандармерией. Объектив кинокамеры скользнул и по стенам институтского комплекса, его аудиторий, исписанных от руки надписями, призывавшими афинян свергнуть хунту диктатора Пападопулоса, бороться за свободу и демократию. Ножницы цензуры их не обрубали: одержав «пиррову победу» над соотечественниками, фашистская хунта явно рассчитывала этими призывами восставших студентов и рабочих посеять среди буржуа и обывателей страх перед «бунтом черни», а себя — попытаться изобразить «защитниками порядка», «спасителями» Греции от анархии.

В газетах, по радио и телевидению, на скроченных пресс-брифингах с иностранными и греческими журналистами ставленники военно-диктаторского режима главную ответственность за кровопролитие спешили возложить на «анархические элементы» и на некоторых оппозиционных хунте греческих политиков. Почувствовав слабость грубо состряпанной карательно-полицейской легенды, хунта стала подбрасывать западной прессе «версию» о некоем «анархо-коммунистическом» под-

стрекательстве греческой студенческой молодежи.

Чтобы западные корреспонденты «клюнули» на эту антикоммунистическую наживку и снисходительно прореагировали на развязанный военщиной неистовый террор, пресс-служба хунты пошла на необычный шаг.

Там, где зверствовали каратели

Утром 20 ноября 1973 года мне позвонили из пресс-секретариата: шеф правительственной службы информации Зурнадзис созывал иностранных корреспондентов на брифинг.

Обстановка в столице Греции оставалась крайне напряженной. По дороге в центр Афин на перекрестках приходилось объезжать танки и бронетранспортеры с расчехленными орудиями и пулеметами. Их стволы держали под прицелом улицы и здания. Над городом непрерывно барражировали армейские вертолеты. Шли повальные аресты в пролетарских кварталах. То и дело проносились тюремные автобусы с зарешеченными окошками на задней стенке кузова. В полумраке, за спинами охранников из военной полиции ЭСА, только что арестованные молодые рабочие и студенты поднимали руки, скованные наручниками. Этот знак был обращен к прохожим: «Мы не покорились, борьба продолжается!»

...В пресс-секретариате иностранные журналисты, нетерпеливо ожидая появления Зурнадзиса, обменивались новостями и подробностями кровавой расправы, учиненной хунтой в ночь с 16 на 17 ноября в районе политехнического института. Все мы еще были под впечатлением напряженной и скоротечной пресс-конференции, проведенной здесь же накануне поздно вечером шефом службы информации. Зурнадзис сбивчиво, нервничая, вынужден был подтвердить: в ходе подавления антихунтовского восстания полиция и армия открыли огонь по афинской студенческой и рабочей молодежи. Признал: имелись убитые и раненые среди демонстрантов.

Уполномоченный хунты по связям с прессой, однако, уклонился от комментариев, когда журналисты в упор спросили: «Известно ли вам, господин Зурнадзис, что трупы погибших были тайно вывезены властями за пределы Афин, а в госпиталях умирали тяжелораненые?» Он назвал лишь официальную цифру погибших и раненых — свыше 300. В действительности же число только убитых карателями хунты в ночь с 16 на 17 ноября превысило несколько сот человек!

Жестокое подавление антихунтовского выступления афинской молодежи, видимо, вернуло уверенность шефу пресс-службы диктатора Пападопулоса. Сообщив официальные данные о произведенных властями массовых арестах среди студенческой и рабочей молодежи, принимавшей участие в антидиктаторских демонстрациях и столкновениях с полицией, Зурнадзис пригласил иностранных журналистов побывать на территории политехнического института — главной арене разыгравшейся кровавой драмы.

Мы сели в поданные автобусы. Сопровождавший нас шеф пресс-службы хунты усердно взваливал ответственность за трагический исход событий на «анархистские элементы», всячески оправдывал драконовские репрессии военного режима, призывал поверить, что меры массового террора со стороны властей, дескать, были необходимы для «восстановления и поддержания законного порядка и мира».

— Вы убедитесь в этом сами, господа,— разглагольствовал Зурнадзис, все же нервозно накручивая на палец провод микрофона, которым он усиливал охрипший от непрерывного курения и многодневного «марафона» пресс-конференций и пресс-брифингов голос.

Вот и улица Патиссиу. Весь участок ее, вправо и влево от политехнического института, заблокирован танками и бронетранспортерами, усиленными нарядами полиции. Цепи охранников протянулись и по обе стороны улицы, стягиваясь к институтской ограде.

Автобусы остановились у главного входа в политехнический. Массивные железные ворота сорваны с петель, смяты и искорежены. Здесь прошли танки хунты, вламываясь во двор, где забаррикадировались студенты и молодые рабочие.

Рядом с воротами я увидел груды металла, словно извлеченного из-под гигантского пресса. Это все, что осталось от «мерседеса», вдавленного в асфальт, сплющенного танковыми гусеницами.

По двору ветер гнал обгорелые клочья бумаги, шелестели обрывки газет, валялись куски картона и непонятно откуда взявшиеся выломанные ножки «венских стульев». (Они были разбросаны по всему периметру просторного двора, и это наводило на мысль: а не подбросили ли их каратели из полиции специально к приезду столь представительной группы иностранных журналистов: «Смотрите, мол, как неистовствовали анархисты...»)

— Когда я была здесь за несколько часов до того, как танки, войска и полиция диктатора Пападопулоса ворвались на территорию института, предварительно забросав ее бомбами со слезоточивым газом,— поделилась с нами шведская журналистка,— студенты специально провели меня по всей территории, залам, аудиториям и кабинетам института. Они мне говорили: «Смотри внимательно. Запоминай. Завтра, когда сюда ворвутся солдаты, нас объявят анархистами, вандалами, будут валить на нас вину за все, что будет учинено во время насильственного разгона нашей мирной демонстрации...»

Нас повели к центральному зданию института. Зурнадзис, взяв на себя роль «гида», жестом хозяина положения предложил корреспондентам все осмотреть, заснять и даже переписать лозунги, написанные повстанцами на стенах институтских корпусов, аудиторий.

На территории политехнического мы заметили группу молодых парней, по виду — студентов и рабочих, стоявших неподвижно под охраной полицейских. Их арестовали где-то поблизости и согнали во двор, как раз к нашему приезду: то ли что-

бы продемонстрировать «силу режима», то ли (через иностранную прессу) напугать общественность Запада.

Поднимаясь по ступеням центрального корпуса, я оглянулся: полицейские выводили арестованных за ограду, нанося удары дубинками в спины парней, поторавливали их взбираться в кузова тюремных автофургонов. «Еще одна сцена пропагандистского спектакля, затеянного для иностранной прессы, сыграна палачами», — подумалось мне в тот момент.

Не меньше роты полицейских все еще оккупировали территорию института. Каратели сидели на каменных ступенях лестниц, слонялись со скучающими лицами по газонам. Но не выпускали из рук полицейские дубинки, искоса поглядывая на корреспондентов...

Мы переходили из одного корпуса в другой. Повсюду была одна и та же картина погрома, хаоса.

— Разве это не предметная иллюстрация анархии и вандализма тех, кто подстрекал бунтовщиков! — с театральным пафосом сделал широкий жест рукой шеф пресс-службы хунты, обратив к журналистам возбужденное лицо.

— В пятницу здесь царил порядок... Все это картина погрома, учиненного после, в ночь с 16 на 17 ноября! — сказала Журнадзису шведская журналистка. Тот грубо ее оборвал:

— Скажите лучше, где и в какой стране правительство сразу же после таких событий пригласит иностранных корреспондентов на место случившегося?

Хунтист был явно выбит из седла репликой нашей коллеги. Он заученно твердил, как попугай, переходя из одного помещения в другое: «Анархисты... Вандалы...»

Побывали мы и в зале, превращенном студентами и рабочими, подвергшимися атаке карателей, в «полевой лазарет». На длинных столах, сдвинутых вместе, грудились пузырьки с лекарствами, бинты, марля, лежал несложный хирургический ин-

струмент (все это, как нам позже рассказывали очевидцы, передали повстанцам жители Афин). На полу, под столами, мы увидели обрывки окровавленных бинтов, клочья ваты со следами запекшейся крови...

В зале, где осажденные защитники политехнического устроили столовую, журналисты заметили груды лимонных корок. Полиция забыла или не успела убрать их вместе с остатками последней трапезы студентов и рабочих. Лимоны служили им единственным средством (хотя и слабым) от действия слезоточивых газов.

Провели нас и в институтскую радиолaborаторию, на четвертый этаж главного корпуса. Здесь повстанцы смонтировали радиопередатчик. Его мощности хватило не только для вещания на территории политехнического. Голос дикторов слышали и в прилегающих кварталах.

После падения хунты в Афинах была выпущена пластинка с записью передач этой повстанческой радиостанции. Для меня она стала памятным сувениром, воскрешающим поистине героическую симфонию этой греческой трагедии 70-х годов XX века!

«Говорит политехнический! Говорит политехнический! Греки, к вам обращается радиостанция восставших студентов... Греческий народ! Твои дети зовут тебя на борьбу! Довольно черных лет фашистского порабощения! Пришел твой час! Сбрось фашистский гнет! Поднимись с колен — выгони американских империалистов из своей страны! Пора строить Новую Грецию! Студенты, рабочие, крестьяне, служащие! Соединяйтесь с нами! Все на улицу! Все к политехническому! Долой фашизм! Да здравствует единая борьба нашего народа! Наша победа близка!»

— Три дня и три ночи все радиоприемники Афин были настроены на волну радиостанции политехнического, — рассказывает участник тех событий Арис Папантимос. — По призыву студенческой радиостанции десятки тысяч людей окружили здание института. Они подвозили ребятам одежду,

продукты питания, медикаменты. Был избран общий рабоче-студенческий комитет борьбы. К концу дня (16 ноября) уже весь центр Афин был занят борцами свободы. От института к окраинам города растекались колонны демонстрантов.

Огонь восстания разгорался все сильнее и охватил другие крупные города Греции. Рабочие и студенты занимали учебные здания. В Салониках начала действовать вторая студенческая радиостанция.

В Афинах выросли баррикады. Рабочие-строители захватили здание муниципалитета.

«Нас двое, нас трое, нас тысячи...» Эта песня звучала гимном на баррикадах. Горящие глаза, улыбающиеся лица — сердца афинян были переполнены радостной надеждой: вот-вот падет наконец ненавистная хунта «черных полковников».

...Но в ночь на 17 ноября, — с горечью, гневом и болью вспоминает о трагическом финале восстания Арис Папантимос, — в Афины с трех сторон вошли танки, по всей территории Греции было объявлено военное положение. По безоружным демонстрантам без предупреждения начали стрелять пулеметы.

...Танк американского производства буквально по трупам проложил дорогу к зданию института вооруженным до зубов карателям... Они зверствовали — убивали, калечили. Мраморный пол и стены политехнического были залиты кровью. Всю ночь Афины содрогались от грома орудий, от свиста пуль, от стонов и криков раненых.

Хотя «черные полковники» тогда сумели удержаться у власти, но события в политехническом были началом конца хунты, — заключил свой рассказ греческий патриот Арис Папантимос.

...На столе радиолaborатории стоял микрофон. Рядом лежали листовки, напечатанные на гектографе тут же, в лаборатории политехнического.

Я взял и сохранил листовку с текстом последнего сообщения студенческой радиостанции, прочитанным диктором, быть может, за минуту до того, как голос восставшей молодежи Афин оборвала ворвавшаяся солдатня...

«Складом ума он сродни Гиммлеру»

К тому моменту, когда аккредитованные в Афинах иностранные журналисты, глубоко потрясенные всем увиденным и в то же время преисполненные уважения и восхищения мужеством восставшей молодежи, возвращались из политехнического, прошло почти полгода с майского дня, когда в кабинете директора ЦРУ по-хозяйски обосновался Уильям Колби.

Реакцию Колби на «кризисную ситуацию» в Греции нетрудно представить в свете событий, следовавших вслед за побоищем, учиненным хунтой в центре Афин. Они подтвердили: у вашингтонского «магистра» тайного ордена «рыцарей плаща и кинжала» не было никаких сентиментов и колебаний в выборе средств для того, чтобы взять под контроль ход событий, и в том, чьими руками вершить «грязное дело» в союзной по НАТО стране, направлять их в желаемое Вашингтону русло.

В интервью журналу «Пентхауз» один из специалистов по программе «Феникс» (операции ЦРУ во Вьетнаме) В. Маркетти так охарактеризовал кадрового профессионала по шпионажу, диверсиям и прочим «грязным трюкам» У. Колби, длительное время возглавлявшего в Лэнгли соответствующий отдел:

«...Колби очень опасный человек. Складом ума он сродни Генриху Гиммлеру. Он относится к тем людям, которые в руководстве концентрационными лагерями преуспели бы больше, чем на посту директора ЦРУ».

Подмечено, надо признать, довольно любопытное «родство душ» между обер-душегубом «третьего рейха» и обер-террористом из ЦРУ!

В Греции и ее столице выполнение «грязной работы» для ЦРУ охотно взяла на себя хунта «черных полковников» и ее главарь — «человек ЦРУ» Пападопулос вместе с кликой подручных из военной полиции ЭСА, жандармерии и ультрареакционных кругов военщины. Но прежде чем обрисовать характер особой «тайной операции», выполненной

резидентурой ЦРУ и ее агентурой в Греции по распоряжению нового директора Центрального разведывательного управления США в дни ноябрьского кризиса 1973 года, отметим, как действовал Колби в финале «тайной операции» ЦРУ в Сантьяго как раз в период своего воцарения в Лэнгли.

Этот сухощавый, всегда в безупречном костюме, лощеный джентльмен, юрист по образованию и внешне, по наблюдениям Ллойда Ширера — биографа Колби, похожий на юриста, учителя, министра, банкира, врача, — «непревзойденный мастер грязных трюков» — сел в директорское кресло штаб-квартиры ЦРУ в Лэнгли 10 мая 1973 года. А 11 сентября того же года в горящем дворце «Ла Монеда» был убит президент Чили Сальвадор Альенде, над страной опустился топор фашистского террора диктатора Пиночета, захватившего власть в закулисном сговоре с США и при самом прямом содействии ЦРУ.

Что именно говорил шеф ЦРУ Колби своим подчиненным или вышестоящим лицам в Белом доме в разгар ноябрьских (1973 г.) событий в Греции, пока остается за «семью печатями» в бронированных сейфах Лэнгли и Вашингтонской администрации. Однако известно, как отнесся этот, по меткой характеристике журнала «Перэйд», «цивилизованный джентльмен» с безупречными манерами, похожий на кого угодно, только не на того, кем он является на самом деле, а именно — главным в США «человеком-невидимкой», к вакханалии кровавого террора пиночетовских карателей.

Вот что пишут о Колби бывшие сотрудники ЦРУ Маркетти и Маркс: «Он утверждал перед конгрессом, что казни и расправы, устроенные хунтой (Пиночета. — В. М.) после государственного переворота, на деле были «благотворными», ибо они уменьшили возможность гражданской войны в Чили...»

И еще одна деталь «психологического портрета» тогдашнего директора ЦРУ, подсказывающая, как привык действовать Колби в ситуациях, подобных той, которая сложилась в Греции в ноябре 1973 года.

Уильям, или, как его называют близкие, «Билл» Колби, свидетельствуют авторы книги «Люди ЦРУ», «всегда считался самым любезным и приветливым из руководителей ЦРУ, но многими рассматривался как военный преступник, побивший рекорды по количеству жертв, пройдя через все эшелоны Лэнгли и посвятив четверть века этой организации, пользовался репутацией «виртуоза по грязным трюкам». И эта слава подтвердилась, когда его назначили директором управления. Его назначение вызвало весной 1973 года некоторое волнение в политических кругах Вашингтона.

Почему? Ответ на этот вопрос дает, по-видимому, заявление, сделанное сенатором Гарольдом Хьюзом 1 августа 1973 года: «Этот человек посвятил большую часть своей жизни проведению секретных операций, включающих в себя применение силы и манипулирование различными фракциями иностранных правительств. Вполне возможно, что человек, имеющий опыт такой работы, сохранил пристрастие к ней и дошел до того, что утратил всякие моральные устои».

Если оргия казней и расправ, развязанная хунтой Пиночета, по мнению директора ЦРУ и его высокопоставленных единомышленников в Белом доме, была «благотворной» в Чили, почему было не повторить ее и в Греции? В этом духе и действовал У. Колби. Правда, с одной тактической поправкой. За кулисами вашингтонской администрации, одобряя разгул террора хунты «черных полковников» против участников ноябрьских демонстраций и повстанцев из политехнического, члены «Комитета-40» склонялись в пользу нового «дворцового» переворота на афинском диктаторском Олимпе. Помышляли они и об ужесточении репрессивных мер в Греции, дабы любой ценой удержать у власти реакционный военный режим, свою главную опору в стране.

Хотя ситуация в Греции складывалась иная, нежели в Чили в период разработки Вашингтоном «тайной операции» по свержению правительства Альенде, метод вмешательства США оставался

стандартным: организация заговора с опорой на самые реакционные круги местной военщины. Тот же террор на государственном уровне. То же планирование «тайных операций», включая манипуляцию различными фигурами из правящих кругов страны, объекта заинтересованного внимания Белого дома, вплоть до устранения насильственным путем неугодных или ставших бесполезными Вашингтону политиков и государственных деятелей.

Разница между действиями ЦРУ в Афинах и Сантьяго заключалась главным образом в том, что в Чили американские специалисты по заговорам, выполняя директиву президента Никсона, наносили удар кинжалом из-под плаща совместного заговора с местными ультра в спину правительства народного единства, чтобы привести к власти фашистскую хунту. В Греции же ЦРУ пришлось срочно «спасать» от развала военно-диктаторский режим, зашатавшийся под гневом всенародного протеста, чтобы не допустить поворота страны на путь демократического обновления.

Из всех вариантов «овладения» кризисной ситуацией в Греции Белый дом санкционировал тот, к которому, выражаясь словами сенатора Хьюза, «сохранил пристрастие» Колби, поднявшись на самую высокую ступень своей карьеры «виртуоза грязных трюков» — вступив в должность директора ЦРУ.

Вновь, как и в Чили, в ход был приведен механизм тайного заговора. На первый взгляд это может показаться странным: ведь в Греции «черных полковников», по меткому замечанию бывшего афинского корреспондента журнала «Ньюсуик» Б. Штоктона — автора книги «Феникс со штыком», «ничто не происходило без согласия Соединенных Штатов»!

И все же «хозяину положения», то есть Вашингтону, понадобилось прибегнуть к скрытым шагам за спиной диктатора Пападопулоса — своей преданной креатуре.

По сценарию «виртуоза грязных трюков»

В ночь на 25 ноября беспокойный сон жителей восточных районов Афин и прилегающих к центру столицы и «Пентагону» кварталов вновь потревожил лязг танковых гусениц и рев моторов бронетранспортеров.

Утром того дня я выехал в пресс-секретариат необычно рано: насторожило гробовое молчание телефона. Отключение связи района Психико с центром Афин, а быть может, и вообще с внешним миром показалось мне подозрительным. После минувших событий следовало ожидать самого непредвиденного...

Когда я выехал на главную магистраль — Марафон-дромос, поразило отсутствие всякого движения транспорта, безлюдье на улицах и исчезновение... полицейских — неперенного круглосуточного атрибута диктатуры Пападопулоса.

Не проехал я и сотни метров по пути к центру города, как пришлось остановиться перед танком, перегородившим проспект.

Из открытого люка башни высывалась фигура танкиста. В руках он держал автомат. Рядом с танком стоял офицер из экипажа, тоже с автоматом. Он и приказывал — взмахом руки — останавливаться редким легковым автомашинам, направлявшимся в центр Афин.

Я заглушил мотор, вышел из машины и предъявил специальный пропуск пресс-секретариата. Документ разрешал иностранным корреспондентам проезд по городу во время «комендантского часа».

Танкист нехотя взглянул на пропуск и, ухмыльнувшись, вернул его, сопроводив озадачившей меня репликой:

— Подпись лиц, выдавших бумажку, не имеет никакой силы... Поворачивайте обратно!

Попытки переубедить танкистов, настойчивые просьбы пропустить в центр, если не к пресс-секретариату, то по крайней мере к советскому по-

больству (я предъявил и мой паспорт), остались безрезультатны.

Тогда я решил рискнуть и «прорваться» в центральный квартал, минуя танковые патрули, в объезд, через взбегавшие к горе Лакавитос улицы и переулки. Так поступили еще несколько водителей машин, остановленных танкистами.

Я включил радиоприемник. В кабину хлынула бравурная мелодия военного марша. А вскоре диктор сообщил: «В этот момент приводится к присяге новый президент». Фамилия его, однако, не была названа.

С верхних ярусов Лакавитоса я увидел, что все магистрали Афин, ведущие в центр города, к площади Синтагма, блокированы танкистами, а кварталы, прилегающие к зданию парламента и правительственной резиденции хунты, оцеплены войсками. Стало ясно: диктатор Пападопулос смещен, в Греции произошел новый военный переворот.

Куда делся диктатор? Какова политическая окраска новых властителей Греции? Что ждало страну? — оставалось пока без ответа. Первое заявление военного командования, из которого греки узнали в самых общих чертах о том, что власть перешла в руки армии, не было подписано. Оно лишь умножило недоуменные вопросы «непосвященных» в закулисную сторону минувшей ночи с 24 на 25 ноября 1973 года.

С тыла я подъехал к дому, где размещался пресс-секретариат, оставил машину и направился к зданию парламента, называемого еще «Старым дворцом».

Перед оградой стояли бронетранспортеры. К пулеметам прильнули танкисты. Рядом с машинами находились автоматчики и парашютисты в полном боевом снаряжении. Оружие держали на изготовку: было заметно, путчисты опасались возможных контрдействий лояльных свергнутому диктатору Пападопулосу воинских частей афинского гарнизона.

Несколько прохожих, случайно оказавшихся рядом с пресс-секретариатом, задержались у воен-

ного «джипа». В его кузове на полную мощность работала рация. В очередном сообщении военного командования уже была названа фамилия «приведенного к присяге нового президента»: Гизикис.

Упоминание военной радиостанцией фамилии генерала Гизикиса, как я заметил, не вызвало удивления сидевших в «джипе» автоматчиков. Как позже стало известно, в перевороте 25 ноября 1973 года участвовали главным образом части 1-го армейского корпуса под командованием именно этого генерала.

Еще по пути в центр Афин я заметил, как над городом барражируют военные самолеты с опознавательными знаками греческих ВВС. И вот теперь по радио было передано, что авиация «демонстрирует поддержку армии, совершившей переворот».

Я направился в советское посольство, размещавшееся тогда неподалеку от «Старого дворца», по улице Ироду-аттику, напротив «Королевского парка».

Посла Игоря Матвеевича Ежова (ныне покойного) и его ближайших сотрудников я застал у телевизора. На экране почти непрерывно маячила эмблема военного переворота, совершенного 21 апреля 1967 года заговорщиками из группы ультраправых полковников во главе с Пападопулосом.

Герб режима «черных полковников» изображал птицу Феникс, выпархивающую из пламени костра. На огненном фоне зловещим черным контуром вырисовывалась фигура солдата, вооруженного винтовкой с примкнутым штыком. Когда летом 1973 года диктатор Пападопулос, пытаясь укрепить свою власть и ослабить тиски внутренней и внешней изоляции военно-фашистского режима, начал было заигрывать с оппозиционными политиками из буржуазных кругов и инсценировал пропагандистскую комедию с «либерализацией» диктатуры «черных полковников» (институт монархии был объявлен ликвидированным и провозглашена «президентская республика» опять-таки во главе с Пападопулосом), силуэт милитариста был снят с эмб-

лемы. И вот теперь «Феникс со штыком» вновь появился на эмблеме путчистов.

— «Реимилитаризация» герба нынешними путчистами — инспираторами нового военного переворота — красноречивое предзнаменование, — заметил посол. — Видимо, реакционных полковников сменили генералы-ультра. Гизикис, надо полагать, лишь фасад новой власти. Фактический диктатор — за ее кулисами. Пока что он предпочитает не показывать свое лицо...

— К «Старому дворцу» подъехали машины телевидения, — доложил послу дежурный сотрудник.

Спустя несколько минут на экране промелькнула торопливая церемония приведения к присяге нового правительства, сформированного генеральской хунтой.

Архиепископ города Янины Серафим читал слова присяги. Их тут же повторяли новоиспеченные министры кабинета премьера А. Андруцопулоса, «верного друга Соединенных Штатов», как охарактеризовали его на следующий день осведомленные западные газеты, «и человека ЦРУ», добавляли в кругах иностранных журналистов.

Министры уж очень дружно и как-то боязливо-послушно тянули руки к Библии под неподвижным взглядом генерала Гизикиса за темными стеклами массивных очков в роговой оправе. На экране был виден лишь профиль официального главы хунты: мрачная физиономия, грубо тесанные скулы, массивная челюсть, резкая складка у рта, тяжелый накат надбровных дуг. Личность, привыкшая приказывать и властвовать. До сих пор — в масштабах своего корпуса. А в рамках страны?

Даже в мелькавших блиц-кадрах телерепортажа заметно было смущение «штатских министров»: ведь многих из них путчисты буквально подняли с постели в ночь переворота, под охраной доставили в штаб заговорщиков и «предложили» занять посты в новом правительстве. (Когда год спустя генеральская хунта, обанкротившись, уступила власть правительству Караманлиса, «никто даже не заметил, как исчезли эти министры», саркастиче-

ски заметил Г. Маврос, один из крупных буржуазных политических деятелей Греции, находившийся в оппозиции к хунте и не раз подвергавшийся репрессиям со стороны «черных полковников» и генералов-ультра).

...Возвращаясь вечером 25 ноября из нашего посольства на корпункт «Правды», в Психико, я заметил: почти все военные патрули были сняты с центральных улиц Афин. Механизированные части путчистов возвращались в свои казармы. И только на главных перекрестках столицы все еще стояли танки.

За океаном, в Белом доме и штаб-квартире ЦРУ, торжествовали победу. Разработанная У. Колби «тайная операция» по замене диктатора Пападопулоса на президентском посту сторонником «более жесткого курса» генералом Гизикисом прошла по намеченному ЦРУ и санкционированному президентом Никсоном «сценарию». Фактически во главе новой хунты стал шеф военной полиции ЭСА генерал-лейтенант Иоаннидис, ближайший подручный Пападопулоса по апрельскому путчу 1967 года и по массовому террору в годы правления своего бывшего сюзерена.

Еще вчера диктатор, а теперь уже с приставкой «экс», Пападопулос был сброшен с «шахматной доски» «греческой политики» Вашингтона.

Вакханалия террора, захлестнувшая район политического по приказу Пападопулоса, стала «пиком» и одновременно самой низкой точкой падения его диктаторской власти. Репрессивный механизм хунты «черных полковников» не смог предотвратить восстания, а, потопив его в крови, бесповоротно скомпрометировал правящую клику и ее главаря. А вместе с хунтой и ее покровителя — Вашингтон!

Хотя «мавр» в чине полковника сделал свое черное дело, однако дальнейшее существование военно-диктаторского режима было поставлено

под вопрос. Вместе с ним — и судьба военного присутствия США в Греции... Белому дому понадобилась другая фигура «военного истэблишмента», готовая проводить проамериканский курс в Греции, а главное, очертя голову пускаться во внешнеполитические авантюры, запрограммированные американским империализмом в Восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке.

Как всякий вкусивший власть узурпатор, Пападопулос вряд ли согласился бы на добровольный уход со сцены. Потому в «сценарии» смены марионеток у руля правления в Афинах и был предусмотрен «дворцовый» переворот. Знаток «закулисной кухни» Греции периода семилетней диктатуры американский обозреватель Сульцбергер, посетив Афины еще в октябре 1972 года, говоря о нараставших симптомах внутренней эрозии единоличной диктатуры Пападопулоса и разлада в верхушке хунты, заметил: «Некоторые из ближайших сподвижников Пападопулоса уже намекают на готовность отстранить своего шефа».

Правительство полковников, констатировал американский наблюдатель, потерпело фиаско в попытке утвердить в Греции власть, которая опиралась бы не только на вооруженные силы; иными словами, режиму Пападопулоса не удалось найти опоры в народе. В этой внутренней изоляции режима, опиравшегося лишь на армию, Сульцбергер и увидел «постоянный фактор будущей фракционной борьбы среди офицеров, а следовательно, неизбежное усиление эрозии режима». Заговор «генеральской хунты» и второй военный переворот 25 ноября 1973 года стали конкретным проявлением этой «фракционной борьбы», ловко сманипулированной ЦРУ. Под рукой у директора Центрального разведывательного управления США была целая колода «претендентов» на пост диктатора, готовых, как выразился обозреватель «Нью-Йорк геральд трибюн», «отстранить своего шефа». Белый дом (по рекомендации «виртуоза грязных трюков» У. Колби) остановил свой выбор на шефе военной полиции ЭСА — «правой исполнительной руке»

диктатора Пападопулоса по «государственному террору» генерал-лейтенанте Иоаннидисе.

Среди факторов, обусловивших такое решение, присутствовало не только соображение, что Иоаннидис был «человеком ЦРУ». «Афинский Гиммлер», как прозвали Иоаннидису в народе, стал в глазах Колби наиболее подходящей кандидатурой не только для завершающего эпизода «сценария» смены «правительственного караула» в столице Греции. Речь идет о разработанной в Лэнгли и санкционированной тогдашним хозяином Белого дома еще одной «тайной операции» в Восточном Средиземноморье. А именно: против Республики Кипр и ее президента Макариоса. Она предусматривала физическое устранение главы независимого государства. Это «грязное дело», по замыслу отдела «тайных операций» ЦРУ, и планировалось осуществить чужими руками — генеральской хунтой во главе с диктатором Иоаннидисом.

Бумеранг операции «Президент»

Огонь по вертолету

Майское небо распростерло над Никосией колыхающийся шатер раскаленного воздуха. Солнце, достигнув зенита, повисло над городом. Спасаясь от полуденного зноя, продавцы магазинов и клерки офисов на центральной Макариос-авеню опускали пластмассовые жалюзи. С грохотом захлопывались деревянные ставни, утихала будничная суeta в узких и тесных торговых рядах «Лидры» — полуевропейского-полувосточного базара. На глазах обезлюдели улицы. Деловая жизнь замирала. В столице наступало время послеобеденной сиесты...

Вместе с личным секретарем президента как раз в этот час мы подъехали к никосийской резиденции главы Республики Кипр.

Припарковав машину возле невысокой ограды из желтого песчаника, мы направились к решетчатым чугунным воротам. В глубине просторного двора, выложенного брусчаткой, виднелся дворец архиепископа. Неброское здание. Нечто среднее между коттеджем и... крепостным флигелем. Выдержано в характерном «колониальном стиле», которому следовали архитекторы в годы британского владычества на острове.

Пока мы дожидались дежурного офицера из личной охраны президента — часовой в будке у ворот известил его о нашем приходе по внутреннему телефону, — я окинул взглядом место, где за год до этого было совершено покушение на Макариоса.

Плоская крыша дворца нависала над порталом, укрывая густой тенью верхний этаж. Узкие глазницы окон, давая изнутри достаточный обзор пред-

охраняли от вторжения знакомого и Кипру тропического зноя.

— Пожалуйста, проходите,— прервал мои наблюдения офицер, вежливо откызырнув.— Президент вас ждет.

В сопровождении офицера, который шел впереди, мы пересекли двор. Он был пуст. Вокруг — ни души. Высоко над крышей дворца раскрытым зонтом блестела под ослепительным средиземноморским солнцем глянцевая листва пальм. Безмолвный покой, знойная истома окутали прилегающий квартал. Обманчивая это была тишина...

Так же тихо и мирно занималось утро над Никосией 8 марта 1970 года.

...Президент Макариос покинул свою резиденцию и сел в поджидавший вертолет рядом с пилотом. Стрелки на шкале приборов показывали 7 часов 10 минут, когда машина стартовала, чтобы доставить архиепископа на церемонию, посвященную памяти героя освободительной борьбы Кипра Григория Авксендиу.

Ничто не предвещало близости смертельной опасности. «Едва вертолет оторвался от земли, как по нему был открыт пулеметный огонь с крыши гимназии. Одновременно у ворот резиденции, где находилась охрана, разорвалась бомба», — экстренно сообщали из Никосии корреспонденты телеграфных агентств.

О том, что происходило в кабине взлетевшего вертолета, рассказал на другой день после покушения представителям прессы сам президент Макариос:

«Я слышал, как пули защелкали по вертолету, но не сразу понял, что нас обстреливают... В какое-то мгновение я увидел, как подскочил пилот. Должно быть, как раз в этот момент его ранило, но он мне ничего не сказал.

Потом я услышал взрыв и подумал: когда же они успели подложить бомбу? (Взрыв, как установило следствие, был вызван гранатой, брошенной участниками покушения в дворцовую охрану.— В. М.)

После этого,— продолжал Макариос,— летчик повернулся и сказал мне, что он попытается сесть. Он увидел пустой участок (за углом прилегающей к дворцу улицы.— В. М.) и устремился прямо туда, уклоняясь от электрических проводов. Все, что сказал мне летчик,— это, что он боится, как бы вертолет не разбился, не загорелся и не взорвался.

Я встревожился, но мне некогда было подумать, так как все это заняло всего несколько секунд.

Как только мы сели,— завершил свой рассказ президент Кипра,— я выпрыгнул первым, так как я не пристегнул ремни. Потом вышел летчик, сделал несколько шагов и упал».

Сразу же после покушения террористам удалось скрыться. Вскоре, однако, они были схвачены и предстали перед судом.

Как только стало известно о покушении на Макариоса, делегация Прогрессивной партии трудового народа Кипра (АКЭЛ) во главе с Генеральным секретарем Э. Папаиоанну посетила президентский дворец. Руководители партии выразили солидарность с главой республики и заявили о необходимости принять решительные меры против террористических организаций.

...С утра 9 марта к дворцу президента стали стекаться человеческие ручейки, сообщали из Никосии мои коллеги по перу — специальный корреспондент «Правды» В. Овчинников и корреспондент ТАСС Е. Чистяков. Передав петиции, выражавшие Макариосу солидарность и поддержку в связи с попыткой покушения на его жизнь, киприоты подолгу стояли возле того места, где обливающийся кровью летчик посадил президентский вертолет.

В толпе говорили о выступлении архиепископа Макариоса по радио и телевидению накануне вечером. «В течение двадцати лет я боролся за счастливое будущее Кипра,— сказал президент, благодаря кипрский народ за сочувствие и поддержку,— и я не прекращу своей борьбы, если даже мне будут угрожать убийством».

Обсуждая подробности покушения, одни из ни-

косийцев говорили о самообладании президента, другие сетовали на то, что, несмотря на предостережение прогрессивных сил, власти не приняли достаточно крутых мер против преступных террористических элементов.

Спустя несколько часов после того, как у резиденции Макариоса прогремел взрыв, парламент Республики Кипр собрался на экстренное заседание. Депутаты и министры с возмущением единодушно осудили покушение на президента «как предательский, антинациональный акт». Гневно заклеили преступную вылазку реакции трудящиеся на массовых митингах, организованных политическими партиями, общественными организациями и профсоюзами.

В тот день, когда заговорщики привели в действие свой зловещий план «устранения» президента Кипра, в столице страны завершалась работа XII съезда Прогрессивной партии трудового народа Кипра (АКЭЛ). Бурное негодование — такова была реакция всех делегатов на очередную попытку врагов республики по-бандитски, из-за угла нанести удар в спину политике неприсоединения и независимости, живым олицетворением которой выступал президент Кипра.

— Цель сегодняшнего террористического акта не вызывает сомнения — убить президента республики, чтобы установить в стране фашистскую диктатуру, — было заявлено с трибуны съезда кипрских коммунистов.

Делегаты приняли экстренную резолюцию. «Съезд, — говорилось в ней, — решительно клеймит этот преступный акт, который, безусловно, является частью осужденных нашей партией империалистических замыслов по установлению на Кипре фашистских порядков и разделу страны ради агрессивных интересов НАТО». Съезд АКЭЛ потребовал немедленно арестовать и наказать преступников, искоренить провокационную фашистскую деятельность на острове.

Выражая симпатии сотен миллионов людей доброй воли к народу Кипра, Секретариат Всемирно-

го Совета Мира направил из Хельсинки телеграмму президенту Кипра Макариосу, в которой гневно осудил тех, кто организовал покушение на его жизнь.

Глубокое возмущение злодейским покушением на жизнь президента Республики Кипр выразил Президиум Верховного Совета СССР. «Советский народ,— говорилось в телеграмме, направленной из Кремля в Никосию,— решительно осуждает этот преступный акт, совершенный силами реакции против независимого кипрского государства». В телеграмме было выражено пожелание лично президенту и всему кипрскому народу успехов в борьбе за укрепление независимости и суверенитета Республики Кипр.

В ответной телеграмме архиепископ Макариос писал, что он был глубоко тронут этим посланием, и просил передать советскому народу свою сердечную благодарность.

Визит во дворец

...Когда мы переступили порог президентского дворца, сопровождавший нас офицер остался в холле. Личный секретарь Макариоса пригласил подняться по широкой мраморной лестнице на второй этаж, во внутренние покои архиепископа.

Наши шаги скрадывали всюду устланные ковры. Старинная мебель с мягкими подушками, молочно-янтарное сияние оникса, дорогие гобелены, массивные хрустальные люстры, картины кисти мастеров Ренессанса в золотых рамах, бархатные занавеси, шелковые обои с тончайшим рисунком — весь интерьер, с большим вкусом выдержанный в изысканно нежных серебристо-сиреневых и пастельно-голубых тонах, говорил о богатстве кипрской церкви.

Еще до встречи с хозяином резиденции обстановка во дворце как бы исподволь вводила приглашенного гостя в ее атмосферу. Напряженный пульс событий, бурная аритмия политики, календарная спешка и житейская суэта, казалось, отда-

лились от нас, остались за стенами резиденции. Здесь, внутри, царили покой и то же безлюдье, что и перед дворцом. Тишина первой подавала руку вошедшему. Быть может, она и была той незримой дистанцией, которой здесь преднамеренно отделяли особу архиепископа, возможно, сообразуясь с протокольным этикетом. Либо — что еще более вероятно — тишина и уединенность позволяли хозяину внутренне сосредоточиваться, размышлять и обдумывать свои политические шаги как бы за пределами черты, где над государственным мужем довлеют сиюминутные стрессы реальной действительности, там — за дворцовой оградой.

Впоследствии мне приходила эта мысль, когда я воскрешал обстановку, в которой архиепископ Макариос принимал решения, имевшие далеко идущие последствия не только лично для него, но и для судеб управляемой им страны, — как правильные решения его проницательного ума, так и трагически ошибочные плоды скованности классово-ограниченными оценками и концепциями. В числе последних — недооценка реальных масштабов и глубины угрозы террористической, заговорщической деятельности внутренних и внешних врагов Республики Кипр. Но об этом — позже.

...Макариос появился перед нами неожиданно, выйдя из соседней комнаты.

Архиепископ был в длинной, до пола, сутане, но не черного цвета, в какой обычно появлялся на людях за пределами дворца, а в светло-синей, «домашней». Непривычно было видеть президента и без покрывавшей голову высокой черной митры.

Макариос приветливо улыбнулся, протянул руку для пожатия. Запомнились тонкие черты его лица, характерный греческий нос с горбинкой, густые черные брови, лоб мыслителя, усыпанный веснушками, короткая стрижка рыжеватых волос. Мягкий коричневый загар придавал его облику иконописность. Но сходство это мгновенно разрушал быстрый и пронзительный взгляд больших карих глаз, когда архиепископ бросал его на собеседника, застигая врасплох неожиданным вопросом.

В эти мгновения в президенте угадывался сильный, опытный и хитроумный, как Одиссей, лопман в сложнейших, запутанных коридорах политического лабиринта, способный балансировать между враждебными силами. Макариос столь же мгновенно гасил этот испытующий взгляд, пряча его под опущенными густыми ресницами, как прячет барс острые когти в мягком бархате своих бойцовских лап.

Не в час аудиенции, данной мне, корреспонденту «Правды», для интервью незадолго до предстоявшего официального визита президента Республики Кипр в Советский Союз, а год спустя, когда на Кипре вновь активизировалось террористическое подполье и снова загрохотали взрывы и автоматные очереди боевиков из нелегальной агентуры афинских «черных полковников», угадывал я именно этот цепкий, настороженный взгляд Макариоса, отраженный в ненавидящих зрачках террористов. Для них он всегда оставался опасным противником. И не случайно террористы, страшась быть узванными и разоблаченными, трусливо целились в намеченные жертвы из-под напаянных масок.

В то лето 1971 года обстановка на острове и вокруг Кипра временно разрядилась. После неудавшейся попытки убийства президента республики заговорщики отступили, затаились, но втайне готовились к новой вылазке. На острове возобновились межобщинные переговоры между киприотами-греками и киприотами-турками. И все искренние друзья кипрского народа, в их числе Советский Союз, выражали пожелание, чтобы этот диалог привел к урегулированию имеющихся спорных вопросов в духе взаимопонимания и доброй воли, открыл дорогу для создания условий, обеспечивающих мирную жизнь кипрского народа на основе полного суверенитета, единства и территориальной целостности государства.

Макариос пригласил нас пройти в салон, к небольшому круглому столику и, подавая пример, опустился в кресло.

Президент был в хорошем, приподнятом настроении. Вскоре ему предстояло подняться на борт реактивного лайнера, который из Никосийского аэропорта возьмет курс на Москву. И, естественно, наша беседа главным образом шла вокруг предстоявшего визита и дальнейшего развития советско-кипрских отношений.

— Со времени провозглашения независимости Кипра,— говорил президент,— наша страна поддерживает самые дружеские связи с Советским Союзом. Следуя политике неприсоединения, в рамках этой политики мы развиваем дружеские отношения и осуществляем сотрудничество с Советским Союзом во многих областях. Нашим желанием является дальнейшее развитие уже существующих дружеских связей между Советским Союзом и Кипром. Я не преувеличу, если подчеркну, что в критические для Кипра моменты Советский Союз различным образом выражал поддержку борьбе нашего народа.

Сделав паузу, президент взял со столика кофейник и разлил ароматный кофе в изящные фарфоровые чашки.

— Я испытываю особую радость,— продолжал Макариос,— в связи с предстоящим посещением СССР и возможностью установления личных контактов как с советскими руководителями, так и с советским народом. Беседы, которые я буду иметь с представителями Советского правительства, как я полагаю, будут полезны во многих отношениях. Мой визит, несомненно, будет способствовать дальнейшему укреплению дружеских связей между Советским Союзом и Кипром, что является нашим желанием.

Забегая вперед, напомним читателям, что ожидания президента Республики Кипр полностью оправдались. В совместном советско-кипрском коммюнике, подытожившем пребывание в нашей стране с официальным визитом главы кипрского государства 2 по 9 июня 1971 года, обе стороны с удовлетворением констатировали неизменное развитие советско-кипрских отношений в духе друж-

бы и взаимного уважения. Было отмечено плодотворное политическое, экономическое и культурное сотрудничество между двумя странами. Успешное и на долгосрочной основе взаимовыгодное развитие торгово-экономических связей. Их перспективность и надежный потенциал дальнейшего расширения.

«Президент Республики Кипр,— информировало коммюнике,— выразил удовлетворение принципиальной позицией СССР в кипрском вопросе и подчеркнул ее важное значение для поддержки усилий народа Кипра по противодействию любым проидам, направленным на навязывание решений, неприемлемых для народа Кипра, или на подрыв суверенитета, единства и территориальной целостности Кипра».

В свете событий, разыгравшихся на острове после возвращения президента Макариоса из Москвы в Никосию, и на фоне непрекращавшихся антикипрских заговоров объединенных сил внутренней реакции и агрессивных кругов НАТО особое значение приобрело в антиимпериалистической борьбе народа Кипра подтверждение советской стороной, что она «твердо и активно выступает против любой интервенции, вмешательства, применения силы или угрозы ее применения против Кипра».

...В конце аудиенции я обратился к президенту с вопросом, который, если сопоставить его с многочисленными заговорами и планами покушений на жизнь главы кипрского государства, пусть не прямо, но во всяком случае косвенно подводил к глубинным мотивам действий закулисных сил, направлявших руку наемных убийц и подпольной агентуры на Кипре против главы республики.

— Какова позиция кипрского правительства в отношении ближневосточного кризиса? — спросил я архиепископа Макариоса.

Он не торопился отвечать. Чувствовалось, еще и еще раз взвешивал каждое слово, как бы вновь перепроверял сложившуюся оценку положения своей островной республики вблизи от столь взрывоопасного региона. Всего несколько часов пар-

ходного хода отделяют кипрские порты Фамагусту и Лимасол от Сирии, Ливана, Израиля, Турции и Египта. Лишь несколько десятков минут требуется самолетам, чтобы достичь столицы Кипра из воздушного пространства Ближнего Востока и севера Африканского континента. «И всего четыре минуты полета реактивного бомбардировщика — из Турции», — рассчитали пилоты ВВС блока НАТО.

Как вблизи горящего дома людей обжигает раскаленное дыхание бушующего пламени, так и на Кипре — островном государстве Восточного Средиземноморья, лежащем на маршруте транспортировки арабской нефти в страны Европы и Америки, грозно ощущается соседство ближневосточного очага вооруженных конфронтаций, разжигаемого израильскими агрессорами и их северо-американским союзником и покровителем.

Искры от военных пожаров, разгоравшихся по соседству с Кипром на протяжении 70-х и 80-х годов, не раз падали и на территорию острова. И тогда то в одном, то в другом городе гремели взрывы или выстрелы террористов, засланных на Кипр израильской разведкой «Моссад» либо одной из спецслужб НАТО или США. В результате и на кипрской земле проливалась кровь, совершались убийства, нарушалось мирное течение жизни киприотов.

— Мы с большим вниманием следим за развитием ближневосточной проблемы, которая, будучи неурегулированной, представляет серьезную опасность для мира во всем мире, — сказал президент Макариос. И, немного помолчав, добавил:

— Мы ценим усилия Советского Союза по мирному урегулированию кризиса в этом чувствительном районе. Республика Кипр поддерживает в качестве основы решения этой серьезной проблемы резолюцию Совета Безопасности от 22 ноября 1967 года.

Такой подход президента Кипра к ближневосточным делам вызывал бешеную злобу в стане врагов республики.

Кто стрелял в президента?

Простившись с президентом и выйдя из его резиденции, я, конечно, не мог предполагать, что три года спустя увижу дворец главы Республики Кипр... в зияющих ранах от артиллерийского обстрела. Его вели в упор мятежники, спешившие исполнить приказ греческого генерала Иоаннидиса: раз и навсегда покончить с Макариосом...

Снаряды разорвались на территории резиденции 15 июля 1974 года. А кто же стрелял по вертолету президента утром 8 марта 1970 года?

На оружии и патронах, брошенных террористами на месте покушения, были обнаружены отпечатки пальцев. Уже в мае 1970 года следственная экспертиза подтвердила: это — следы рук трех из задержанных к тому времени лиц, подозреваемых в попытке убийства Макариоса. Вместе с другими тяжкими уликами они замкнули круг обвинения, предъявленного судебными органами Кипра арестованным террористам. Речь шла об отпечатках пальцев Адамоса Харитоноса 32 лет, Андонакиса Соломондоса 32 лет и Андонакиса Генакритиса 28 лет. Два последних являлись бывшими сотрудниками службы контрразведки Кипра.

Осенью того же, 1970 года киприоты-греки, участники покушения, предстали перед уголовным судом Никосии. Четвертым был тридцатитрехлетний предприниматель Георгиес Талайодорос.

Каждого из обвиняемых суд приговорил к 14 годам тюремного заключения.

Кипрские газеты, информируя 20 ноября 1970 года о решении суда, подчеркивали: предъявленное этим лицам обвинение в заговоре с целью убийства Макариоса и пилота президентского вертолета таково, что террористы заслуживают пожизненного заключения. Однако суд учел, что эти люди были исполнителями воли организаторов заговора.

Суд определил также соучастником заговора бывшего министра внутренних дел Кипра Георгаджиса. Вскоре после неудавшейся попытки покуше-

ния он исчез, а в апреле 1970 года за пределами Никосии был найден его обезображенный труп.

«На Кипре считают,—свидетельствовали информированные западные источники,—что Георгаджис был ликвидирован, потому что он знал слишком много об участии определенных секретных служб в заговоре против архиепископа». «Как бы то ни было,—говорится в документальном сборнике «Греция под военным контролем», изданном в Лондоне в 1972 году,—кровавая расправа над Георгаджисом показывает, насколько далеко были готовы зайти те, которых обвиняют во вмешательстве на острове».

Убрав «нежелательного свидетеля» и соучастника заговора против главы кипрского государства, закулисные инспираторы покушения надеялись оборвать важную нить. Расчет этот, однако, не оправдался. Уже летом 1973 года правительство Кипра располагало неопровержимыми данными, говорившими о том, что именно подпольная террористическая организация греческого генерала Гриваса вынашивала замыслы физического устранения президента Макариоса.

Кто такой Гривас? С кем был связан до самой своей смерти от инфаркта, внезапно застигшего его в одной из конспиративных квартир ультраправой террористической организации «ЭОКА-2» в кипрском порту Лимасол, этот фашиствующий националист-фанатик, ярый антикоммунист и враг республики? Кому служил и какие вынашивал планы главарь банды террористов, прозванный «черным генералом»?

...В начале осени 1971 года от берегов Греции в абсолютной тайне отошло небольшое быстроходное судно и взяло курс на Кипр. Меры чрезвычайной предосторожности экипаж предпринял вовсе не потому, что собирался бесшумно «прорвать» кольцо жандармско-полицейского сыска «черных полковников» и прибрежной морской охраны диктаторского режима. Верхушка фашистской хунты и прежде всего шеф ее военной полиции ЭСА генерал Иоаннидис были отлично осведомлены, ку-

да держало путь судно и кто находился на его борту...

За годы журналистской работы в Греции и Республике Кипр мне пришлось совершить не одну «челночную поездку» по Эгейскому и Критскому морям и по акватории Восточного Средиземноморья, отплывая из порта Пирей в Лимасол или Фамагусту, и тем же маршрутом возвращаться обратно. Оживленные это коммуникации. Днем, словно на международной регате, снует здесь множество кораблей и судов, парусных яхт и... военных эскадр. И ночью, «перемигиваясь» то с маяками на бесчисленных греческих островах, то с бортовыми фонарями встречных судов, идут и идут неутомимые стальные труженики моря. Проскочить здесь незамеченным не так-то просто. Разве что с потушенными огнями...

Но судно, в каюте которого плыл генерал Гривас, скрытно проскользнуло к островной республике и тайно высадило главаря террористов на берег Кипра. Первый этап нелегальной заброски секретного эмиссара афинской хунты был осуществлен.

Была еще одна, весьма могущественная «сторона», не менее афинской хунты заинтересованная в том, чтобы о появлении генерала Гриваса на Кипре и о новом заговоре атлантистов правительство республики узнало как можно позже. Речь идет о Соединенных Штатах Америки.

«Американская линия заключалась в том,— сообщает упомянутый уже лондонский источник,— чтобы добиться решения (кипрского вопроса.— В. М.) любой ценой. Что могло означать в действительности — ценой расчленения острова между Грецией и Турцией. Такое «решение» приобрело бы в глазах Вашингтона дополнительную выгоду, а именно — включение Кипра в НАТО».

Раскрывая глубинный мотив пристального интереса Вашингтона к аванюре, предпринятой греческим военно-диктаторским режимом с нелегальной заброской на остров «черного генерала», тот же лондонский источник добавлял: «...Соединен-

ные Штаты приветствовали бы возможность использования его портов для шестого флота».

Действовавшее на Кипре террористическое подполье, укрывшее Гриваса на своих конспиративных базах, в конце ноября 1971 года получило прямую поддержку со стороны местных ультра. Группа правых националистов из 62 человек во главе с бывшим шефом кипрской юстиции главным судьей в отставке Вассилиадисом сформировала так называемый Комитет по координации борьбы за энозис (ЕСЕА).

Под шовинистическим и противоречившим национальным интересам Республики Кипр лозунгом борьбы за энозис (присоединение Кипра к Греции) ультра на самом деле преследовали те же цели, что и их закулисные покровители в империалистических кругах США и НАТО.

Активизация действий и вооруженных вылазок ультранационалистических реакционных групп на Кипре явилась прямым результатом включения в нелегальную подрывную антигосударственную деятельность и террористической агентуры генерала Гриваса. «Президент Макариос,— сообщал из Никосии корреспондент Ассошиэйтед Пресс,— обвинил его в формировании подпольных вооруженных банд и подготовке новой вооруженной борьбы за осуществление энозиса».

«Уже в те дни,— записал я в свой корреспондентский блокнот, готовясь к очередной поездке на остров,— ответственные руководители кипрского государства дали ясно понять, что лозунги пресловутого энозиса используются недругами кипрского народа лишь как ширма, под прикрытием которой скрываются намерения внешних сил осуществить раскол Кипра и его раздел».

И вновь на мушку прицелов террористов была взята фигура президента республики архиепископа Макариоса.

Почему именно этого государственного деятеля — главу Республики Кипр — столь настойчиво и упорно стремились убрать со своего пути заговорщики?

«...Макариос, который располагал поддержкой широкого большинства своих соотечественников, как раз поэтому стал главным препятствием осуществления плана расчленения острова, именно того плана, который появился еще до 1967 года», — свидетельствовали хорошо информированные составители лондонского документального сборника. И среди тех внешних сил, которые оказали поддержку этому плану, этот источник называл «важные элементы в правительствах Турции, США и в определенных кругах Греции».

Физически устранить президента Кипра заговорщики стремились еще и потому, что его популярность в республике и высокий авторитет в кругах международной общественности являлись важным фактором, который вдохновлял киприотов на отпор проискам внутренней и внешней реакции. Высокий престиж главы Республики Кипр в ООН и в мировом движении неприсоединения также в немалой степени затруднял, сковывал антикипрские акции империалистических кругов США и НАТО.

Знакома советских людей с главными вехами жизненного пути президента Республики Кипр в канун его визита в СССР, «Правда» писала 2 июня 1971 года:

«Макариос родился 13 августа 1913 года на Кипре. Окончил теологический факультет Афинского университета. («Находясь в Греции во время итало-германской оккупации, Макариос сблизился с национально-освободительным движением в Греции, а затем и на Кипре», — дополняет существенную деталь к сжатой обрисовке жизненного пути президента справочник «Кипр».)

Активно участвовал в национально-освободительном движении кипрского народа против колониального господства и в становлении Республики Кипр как независимого государства¹.

¹ 19 марта 1956 года Макариос был арестован английскими колониальными властями и выслан из Кипра на Сейшельские острова в Индийском океане, где пробыл 13 месяцев. В апреле 1957 года был освобожден без права проживания на Кипре и выехал в Афины.

В декабре 1959 года был избран президентом Республики Кипр».

Возглавляемое Макариосом правительство, отмечалось в краткой биографической справке, проводило политику неприсоединения к политическим и военным блокам, выступало за развитие дружественных отношений с Советским Союзом.

В ином свете, по понятным причинам, рисовалась фигура президента Кипра — выходца из крестьянской семьи, избранного в октябре 1950 года народным голосованием архиепископом и этнархом (лидером) греческой общины, — врагам свободы, независимости и территориальной целостности республики.

Сети заговора

Летом 1973 года я остановился в Никосии в доме, который случайно был рядом с улицей, по которой почти каждый день проезжал президент Макариос, направляясь в свою загородную резиденцию в горах Троодос.

Вскоре я обратил внимание, как примерно за четверть часа до появления машин президентского эскорта прилегающий квартал прочесывали патрули автоматчиков из корпуса безопасности. Однажды я столкнулся с одним из них в подъезде нашего многоэтажного дома. Полицейский в черной форме, придерживая перекинутый через плечо автомат, окинул меня внимательным взглядом и молча вышел на улицу.

Особая бдительность охраны президента диктовалась суровой необходимостью. За несколько дней до моего приезда в Никосию на обычном пути следования Макариоса из дворца архиепископа в летнюю резиденцию, как раз в том месте, где автомашины неизбежно замедляли скорость, его личная охрана обнаружила тщательно замаскированные позиции, явно рассчитанные на обстрел президентского автомобиля из пулемета.

10 августа 1973 года, включив местное радио, я услышал сообщение, которое мгновенно облете-

ло всю страну, вновь напомнило киприотам о готовившемся ударе ультраправых террористов по руководству республики.

...При аресте ближайшего помощника Гриваса — С. Ставру, зачитывал диктор экстренную информацию со ссылкой на официальный источник, во время операции, проведенной силами безопасности Кипра в Лимасоле, среди документов был захвачен еще один план покушения на президента Макариоса. На схеме были помечены удобные для террористов места по маршруту ежедневного следования автомашины Макариоса из президентского дворца в архиепископский. Были найдены также 57 фотографий, на которых засняты посты охраны, а также позиции, которые должны были занять участники покушения.

Как явствовало из документов, покушение намеревалась осуществить специальная группа террористов из подпольной гривасовской организации «ЭОКА-2» в вечернее время, когда президент обычно возвращался в архиепископский дворец. После покушения террористы, согласно плану, должны были сразу же совершить нападение на охрану и дворец архиепископа.

Из захваченных на конспиративной квартире террористов документов полиции стало известно: С. Ставру, бывший майор кипрской армии, был непосредственным руководителем подпольных вооруженных групп Гриваса.

Упредив действия террористов, предусмотренные разоблаченным планом покушения на президента, силы безопасности Кипра, к сожалению, не вырвали с корнем зло.

Вплоть до антиправительственного мятежа, поднятого кипрскими ультра по приказу афинской хунты 15 июля 1974 года, обстановка на острове оставалась крайне сложной. Короткие «затишья» сменялись вспышками острых кризисных ситуаций, инспирированных извне, в штаб-квартире НАТО на ее юго-восточном фланге, спецслужбами Североатлантического блока и ЦРУ.

Греческая хунта «черных полковников» открыто

взяла под свою защиту «черного генерала» и его подпольную агентуру на Кипре. Местные реакционные силы намеренно обостряли обстановку. Возглавляемое Гривасом вооруженное подполье терроризировало страну. Только за два дня — 6 и 8 февраля 1973 года, накануне переизбрания (в третий раз) Макариоса на пост главы кипрского государства, антиправительственные отряды Гриваса совершили налеты на 19 полицейских участков.

Кипрские газеты все чаще помещали фотографии поврежденных или разрушенных взрывами полицейских постов и казарм, сделанные по горячим следам этих преступных вылазок. В одних случаях террористы получали отпор, в других — им удавалось разгромить полицейские участки и захватить легкое стрелковое оружие, боеприпасы.

Свои удары подполье «черного генерала» наносило по всем, кто поддерживал президента Республики Кипр и его политику неприсоединения к военным блокам. Но главной целью заговорщиков по-прежнему оставался сам архиепископ Макариос.

Главари без маски

Читателю, думается, небезынтересно получить представление об облике ультрареакционеров, поднявших руку на законного главу кипрского государства.

«Черного генерала» Гриваса мне довелось увидеть лишь в кадрах кинолент, в том числе снятых английскими военными кинооператорами на острове в годы вооруженной борьбы киприотов против британских колонизаторов.

Внешне Гривас мало чем отличался от своих соотечественников. В тот период, когда афинская хунта «черных полковников» забросила Гриваса на Кипр, ему было уже далеко за шестьдесят. Среднего роста, сухощавый, даже костлявый, он появлялся перед фотообъективом в традиционной форме кипрских ультра: толстый свитер грубой вязки

провисал на его худых плечах; впалую грудь перепоясывала португеза, ремень оттягивала кобура.

«Черный генерал» любил фотографироваться в воинственной позе, окруженный телохранителями. Подбоченясь, обязательно поставив тяжелый ботинок на камень. Словно африканский охотник — на голову убитого льва или восточный деспот — на череп поверженного врага. Запоминались горящие навывкате черные глаза. В зрачках Гриваса действительно пламенела какая-то фанатичная мысль.

В гробу после смерти в 1973 году он стал похож на ссохшуюся мумию, которую позабыли забинтовать и забальзамировать. Вместе с жизнью «черного генерала», казалось, покинула и его воинственная оболочка. Померкла театральная бравада «народного вождя», каковым он, в сущности, никогда и не был, хотя в 50-е годы, прибыв на Кипр под именем «Дигенис», полковник Гривас возглавил руководство подпольной военно-террористической организацией «ЭОКА», которая действовала на Кипре вплоть до провозглашения его независимости в 1960 году¹.

Главным же в портрете главаря террористов на Кипре были, конечно, не внешние черты, а его политическое кредо, вехи его бесславно оборвавшейся карьеры.

Генерал греческой армии, махровый реакционер и антикоммунист, Георгиос Феодору Гривас родился в 1898 году в селе Трикано (округ Фамагуста) в семье крупного зерноторговца. Военное образование получил в Афинах и во Франции. Участвовал в неудачной для греков войне против Турции в 1919—1922 гг. и в боевых действиях греческой армии против итало-фашистских войск (1940—1941 гг.).

Еще в годы второй мировой войны, во время гитлеровской оккупации Греции нацистским вер-

¹ ЭОКА — начальные буквы «Национальной организации киприотов-борцов», которая, выступая под лозунгом борьбы против английских войск на острове, фактически вела линию на раскол единства кипрского народа и изоляцию левого крыла национально-освободительного движения.

махтом и итальянскими фашистами, примкнул к организации правых греческих офицеров, фактически боровшихся против движения Сопротивления. Возглавив так называемые охранные батальоны «Х», сформированные на Пелопоннесе в 1944 году для карательных операций против демократических сил, сражавшихся за освобождение Эллады, Гривас фактически повернул оружие против народа. За охранниками из батальона «Х» потянулся кровавый след «черного террора», не уступавшего злодеяниям гитлеровских карателей и легионеров дуче.

Из этих же батальонов «Х» вышел будущий главарь греческой военной полиции ЭСА генерал Иоаннидис, прозванный в годы фашистской диктатуры «черных полковников» «афинским Гиммлером». Так что еще тогда пути-дороги Гриваса и Иоаннидиса скрестились под батальонными знаменами карателей, на которых остался несмываемый след массовых экзекуций мужественных патриотов Эллады.

В последующие годы Гривас фигурировал в списках секретных организаций офицеров, связанных с греческой разведкой (КИП) и ЦРУ.

После подписания Цюрихско-Лондонских соглашений в 1959 году о провозглашении независимости Кипра Гривас отдал распоряжение сторонникам ЭОКА прекратить боевые операции и в марте 1959 года вынужден был вернуться в Грецию.

В 1964 году при активном содействии влиятельных кругов США Гривас, уже в чине генерала, был возвращен в Никосию и поставлен во главе вооруженных сил Кипра.

«Своей деятельностью,—отмечается в справочнике «Кипр»,—на протяжении многих лет Гривас зарекомендовал себя как сторонник крайне правых политических группировок и антикоммунист, выразитель интересов реакционных кругов НАТО на Кипре».

После военного переворота в Греции 21 апреля 1967 года Гривас по заданию хунты приступил к подготовке такого же путча на Кипре с целью свергнуть правительство Макариоса (план «Астра-

пи»). Провокационные действия Гриваса и его сторонников вызвали в ноябре 1967 года вооруженные столкновения на Кипре между греческой и турецкой общинами, что чуть не привело к войне между Грецией и Турцией. В результате мирного урегулирования конфликта в конце 1967 года греческое правительство вынуждено было отозвать Гриваса с Кипра.

Таков облик главаря энозистов и главного претендента на роль наместника афинской хунты без фальшивой маски «ратоборца за интересы» кипрского народа. Коварная личина «кипрского патриота» слетела с «черного генерала» под грохот взрывов и пулеметно-автоматные очереди его подпольных террористических банд.

С другой ключевой фигурой антиправительственного заговора — ближайшим подручным генерала Гриваса Никосом Самсоном, которого в июле 1974 года мятежники провозгласили «президентом Кипра», непредвиденный случай (а их немало в практике любого зарубежного корреспондента) столкнул меня в редакции кипрской газеты «Махи».

Направляясь в помещение этой газеты, я был, конечно, осведомлен о крайне правом, ультранационалистическом курсе, которого «Махи» придерживалась в своих публикациях, хотя в оценке далеко не всех международных вопросов он был прямолинейным и однозначным. Добиваясь популярности, а главное — стремясь склонить на сторону энозиса как можно больше киприотов-греков, «Махи» позволяла себе и острые критические выпады в адрес некоторых аспектов политики НАТО и США. Хорошо осведомленная о горячих симпатиях большинства населения Кипра к Советскому Союзу, «Махи» иногда была не прочь «подыграть» этим настроениям, публикуя ту или иную информацию, поступавшую в Никосию по телетайпам ТАСС и АПН. Но в одном хозяева газеты были неизменно твердолобы — в своей враждебности к коммунизму и к авангарду трудящихся Республики Кипр — партии АКЭЛ. С открытым забралом газета обрушивалась на политику неприсоединения и

ее последовательного выразителя — главу государства президента Макариоса.

Можно, конечно, судить о позиции тех или иных органов западной прессы по их публикациям. Мне же хотелось познакомиться с идеологическими противниками левых и демократических сил республики, как говорится, в лицо. Такое соприкосновение с классовым врагом в его собственном «пропагандистском окопе» помогает нередко глубже распознать его сильные и слабые стороны.

Разговор наш проходил в небольшом кабинете. Со мной беседовал сотрудник, чье жизненное и политическое «кредо» тяготело к «центристской позиции», заметно отклоняясь от ультраправых взглядов главного редактора «Махи». Им в то время был Никос Самсон — совладелец газеты.

...Без стука распахнулась дверь, и в кабинет по-хозяйски вошел невысокий, моложавый на вид мужчина. Он был без пиджака, в белой рубашке с засученными рукавами. Из-под расстегнутого воротника небрежно свисал черный бархатный галстук.

Вошедший окинул нас угрюмым взглядом. Что-то процедил сквозь зубы на мои ни к чему не обязывающие, но полагающиеся слова протокольного знакомства.

— Мистер Самсон, шеф-редактор, — по-английски представил главного «идеолога» «Махи» мой собеседник.

Тот небрежно швырнул на стол принесенные гранки, отдал своему сотруднику короткое распоряжение и, молча кивнув нам, вышел из кабинета.

Как ни скоротечна была эта случайная встреча, в памяти рельефно зафиксировалась физиономия будущего самозванного «президента» Кипра. Массивная, тяжелая челюсть с квадратным подбородком, угловатые скулы, узкий лоб вызывали образ грубо и кустарно сработанных металлических кухонных клещей. С их помощью киприоты раскалывают орехи. Асимметричность лица Самсона с проступавшими дегенеративными чертами бросилась мне в глаза и позже, когда на одной из фотогра-

фий, помещенных в западногерманском журнале «Шпигель», я увидел ставленника мятежников Никоса Самсона рядом и чуть ли не в обнимку с генералом Гривасом.

Видимо, я не обманулся, вынеся из той мимолетной встречи с одним из главных участников антиправительственного заговора и готовившегося фашистского мятежа впечатление, что на лице шеф-редактора «Махи» отражались злобные и опасные психические потенции единомышленника подпольных террористов.

Вскоре после того, как радио мятежников 15 июля 1974 года послало в эфир сообщение о том, что отлученный кипрским синодом еще в 1973 году за антиправительственную деятельность бывший митрополит Пафоса¹ Геннадий «привел к присяге» в качестве президента Кипра креатуру афинской хунты Никоса Самсона, гамбургский еженедельник «Шпигель» извлек из своей картотеки весьма убедительную и точную характеристику самозванного «президента» спешно созданного мятежниками марионеточного правительства в Никосии.

«...Никос Самсон,— прочел я в «Шпигеле»,— редактор крайне правой кипрской газеты «Махи», известен своими тесными связями с афинской хунтой и заговорщиками из террористической организации «ЭОКА-2», действовавшей на острове. Он прославился своей жестокостью и давно зарекомендовал себя убийцей, который сочетал убийства с профессией фоторепортера... Он похвалялся тем, что уничтожил по крайней мере 200 турецких женщин и детей»².

Спровоцированные террористами Гриваса кровавые столкновения между греческой и турецкой

¹ Па ф о с — город, расположенный в западной части о. Кипр.

² Западногерманский журнал имел в виду резню, которую учинили на Кипре террористические банды генерала Гриваса во исполнение плана «Астрапи» («Молния»), разработанного вскоре после захвата власти в Греции хунтой «черных полковников». Согласно этому плану, Гривас должен был произвести военный переворот и осуществить насильственное «воссоединение» Кипра с Грецией.

общинами на Кипре повлекли за собой сотни человеческих жертв. Уже тогда они раскрыли многим киприотам глаза на подлинные цели энозистов из «ЭОКА-2»: выдвинутый террористами «черного генерала» и афинской хунтой лозунг «воссоединения» Кипра с «матерью-Грецией» отвечал интересам агрессивных кругов НАТО, служил прикрытием для врагов республики.

За спиной путчистов — ЦРУ

...15 июля 1974 года наступила развязка: заговорщики вновь попытались покончить с президентом Макариосом, независимостью и территориальной целостностью Республики Кипр.

На рассвете части национальной гвардии под командованием присланных из Афин греческих офицеров, специально подобранных диктаторским режимом, подняли фашистский мятеж против законно избранного президента республики архиепископа Макариоса.

Ожесточенная перестрелка вспыхнула в районе президентского дворца в Никосии и в других районах столицы. Бои с применением артиллерии и тяжелого стрелкового оружия развернулись также в городах Фамагуста и Пафос.

Мятежники блокировали в столице Кипра центральную радиостанцию, Никосийский аэропорт и правительственные учреждения. Телеграфная и телефонная связь Кипра с внешним миром была полностью прервана.

Путчисты пригрозили «немедленным расстрелом» всякому, кто окажет сопротивление действиям национальной гвардии.

В первые же часы мятежа корреспондент агентства Ассошиэйтед Пресс распространил из Никосии весть об убийстве президента Макариоса. Но этот слух (либо поспешное утверждение путчистов) опровергался сообщением турецкой радиостанции на Кипре. Согласно ее информации архиепископ Макариос остался жив и укрылся в расположении войск ООН, находящихся на острове по решению

Совета Безопасности для поддержания мира между двумя общинами — греков-киприотов и турок-киприотов вдоль так называемой «зеленой линии».

Примерно через полтора месяца после провала июльского мятежа, 2 сентября 1974 года, западногерманский журнал «Шпигель» опубликовал интервью с президентом Кипра Макариосом. Архиепископ дал его во время своей зарубежной поездки, предпринятой для привлечения международной общественности к поддержке борьбы народа Кипра и его правительства за спасение республики, ее независимости и территориальной целостности, подвергшихся смертельной опасности в результате путча и последовавшей вслед за ним интервенции на остров «союзника» Греции по НАТО — Турции.

В интервью Макариос назвал конкретные адреса организаторов антикипрского заговора и тех, кто стоял за спиной мятежников.

«— Кипрская трагедия,— сказал президент,— это результат путча афинской хунты против меня, путча, который, выражаясь мягко, был актом преступного безумия.

— Это безумие вы могли предвидеть,— возразил корреспондент «Шпигеля». — Даже американцы, как говорят, предостерегали вас.

— О путче на Кипре часто говорили,— ответил Макариос.— Я только не мог серьезно поверить в это. Я полагал, что активизируются лишь попытки убить меня. Но неправда, что американцы предостерегали меня».

Корреспондент «Шпигеля» попросил президента уточнить, знали ли, по его мнению, американцы, что в результате путча должен был быть лишен власти «средиземноморский Кастро», как Макариоса, по словам корреспондента гамбургского журнала, называли «в некоторых американских учреждениях»?

«— Я не хочу исключать вероятности того, что ЦРУ заранее знало о заговоре, но у меня нет доказательств,— ответил президент.— Я чувствовал,

что что-то замышляется. Видите ли, хунта планировала экспорт диктатуры на Кипр, а я был неподходящим покупателем для такого экспортного товара. На пути хунты я был препятствием, которое следовало устранить.

— Кто организовал акцию против вас? — спросил Макариоса корреспондент «Шпигеля».

— Бригадный генерал Иоаннидис вместе с другими офицерами, часть из которых находилась в Афинах, но большинство — на Кипре. Тех, которые специально направлялись на Кипр для участия в путче, он лично провожал на аэродром.

— Были ли у Иоаннидиса контакты по этому вопросу с ЦРУ?

— Иоаннидис, — ответил президент Кипра, — наверняка поддерживал контакты с ЦРУ.

— Вас должны были убить?

— Убийство меня было единственной целью всего предприятия, — ответил Макариос. — Мне думается, они были очень опечалены тем, что не достигли своей цели».

13 июня 1974 года, подтвердил «Шпигель», опираясь на документально подкрепленные данные, афинская хунта утвердила главный пункт плана путчистов: президент Кипра Макариос должен быть убит... Знал ли об этом преступном решении фашистской хунты тогдашний хозяин Белого дома Р. Никсон?

В сентябре 1975 года «Шпигель» опубликовал интервью, полученное из стен пирейской тюрьмы «Каридалос», где отбывал пожизненное заключение бывший шеф военной полиции ЭСА, главарь рухнувшего в июле 1974 года военно-диктаторского режима Иоаннидис. Касаясь причастности Иоаннидиса к заговору с целью убийства Макариоса, корреспондент «Шпигеля» обратился к экс-диктатору: «Не кто иной, как президент Форд (сменивший в Белом доме Р. Никсона, в самом конце правления которого и разыгрался кульминационный акт «кипрской трагедии». — В. М.), возложил на вас ответственность за кипрский путч и турецкое вторжение. Форд сказал: «Тогдашнее греческое прави-

тельство попыталось свергнуть Макариоса и убить. Результатом явилось вторжение Турции, которая, к сожалению, стала хозяином положения».

Не отрицая своей ответственности за организацию путча и попытку убийства президента Макариоса, экс-диктатор без всяких обиняков подтвердил, что США были в курсе планировавшегося НАТО раздела Кипра между Грецией и Турцией. «Американцы,— утверждает Иоаннидис,— хорошо знали, в особенности после сессии НАТО в Брюсселе в 1974 году, о предстоявшем вмешательстве Турции в ходе лета 1974 года в греческом пространстве». (Здесь очевидна попытка Иоаннидиса снять с генеральской хунты ответственность за развязывание событий, которые привели к высадке турецких войск на Кипре в августе 1974 года.— В. М.). «Независимо от этого,— откровенничает Иоаннидис,— заявление американского президента показывает степень зависимости тогдашнего правительства (т. е. афинской хунты.— В. М.) от американцев».

Итак, устами бывшего главаря генеральской хунты, непосредственно организовавшей мятеж на Кипре и отдавшей приказ убить президента республики, подтвержден ключевой фактор в проведении операции «Президент». А именно — полная зависимость хунты от политики, планов и намерений Вашингтона. При таком положении не остается места для предположения, что Белый дом (не говоря уже о ЦРУ) в критический момент развития кипрского кризиса летом 1974 года не знал об отданном Иоаннидисом приказе физически устранить главу Республики Кипр.

Вполне определенно высказывался по этому поводу лидер партии «Всегреческое социалистическое движение» (ПАСОК), будущий премьер-министр Греции А. Папандреу в 1979 году. Он «по-прежнему убежден,— свидетельствовал влиятельный лондонский «Экономист»,— что Соединенные Штаты активно поощряли и даже координировали в 1974 году заговор на Кипре против архиепископа Макариоса и последовавшее за ним вторжение на

остров». Еще раньше, 23 мая 1976 года, лондонская газета «Санди таймс» прямо писала об осведомленности ЦРУ не только о заговоре афинских диктаторов и их агентуры и ставленников на Кипре, но и что штаб-квартира ЦРУ в Лэнгли была в курсе тактических ходов афинской хунты в канун переворота, предпринятых с целью маскировки подготовки фашистского путча в Никосии.

Корни мятежа

Вновь приехав в Никосию зимой 1975 года, то есть всего лишь через несколько месяцев после трагических событий на острове, когда раны, нанесенные Кипру в результате фашистского путча и турецкой интервенции еще болезненно давали о себе знать, я встретился с Генеральным секретарем АКЭЛ — Прогрессивной партии трудового народа Кипра — Эзекиасом Папаиоанну.

Как обычно, принял он корреспондента «Правды» в своем рабочем кабинете, в Центральном комитете АКЭЛ. Это была не первая наша встреча, и состоявшаяся беседа как бы продолжила одну из самых «горячих» и «острых» тем, которые мы затрагивали с товарищем Э. Папаиоанну всякий раз, когда я брал интервью у руководителя кипрских коммунистов.

На этот раз, говоря о роли НАТО, США и ЦРУ в заговоре против Кипра, Генеральный секретарь АКЭЛ мог уже подвести черту под наиболее зловещим за прошедшие годы этапом этих преступных и агрессивных происков империализма на Кипре и вокруг него. Папаиоанну мог сделать далеко идущие выводы, опираясь на факты совершившегося. И конечно, извлечь суровые уроки из событий, радикальным образом изменивших обстановку не только на острове, почти 38 процентов которого оказались оккупированными турецкими войсками, но и в Греции, где провал июльского (1974 г.) путча на Кипре бумерангом ударил по его инспираторам: смел с политической арены Греции ультрареакционную военную хунту — орудие Вашингтона и

ЦРУ, нанес сильнейший удар и по изощренным антикипрским козням США и НАТО.

— ...Кипр продолжает оставаться перманентно объектом происков империализма,— начал Эзекиас Папаиоанну свой ответ на первый из поставленных мною вопросов, когда, по-братски обнявшись, мы как бы перекинули «мост рукопожатий» через поток событий, еще дышавший, как неостывшая лава, накалом взрывчатых политических катаклизмов в Восточном Средиземноморье, разыгравшихся со времени нашей последней встречи...

Пережитое и перенесенное вместе с партией, народом Кипра, его родиной оставило глубокий след: резче обозначились складки на скулах художника, пролегли новые морщины вокруг по привычке твердо стиснутых губ. Они придали еще большую решимость и в то же время оттенок непреодоленной горечи коммунисту, человеку с большой буквы, которого даже в самые критические моменты борьбы кипрского народа, трудящихся и их авангарда — АКЭЛ не покидала уверенность в полной победе дела рабочего класса, сил прогресса над силами реакции и войны.

В период тяжелых испытаний, выпавших на долю кипрского народа, Э. Папаиоанну в сложной и напряженной обстановке вел самоотверженную борьбу за пресечение иностранного вмешательства и обуздание внутренней реакции, за сплочение всех демократических сил страны в единый фронт в целях мирного и справедливого урегулирования кипрского вопроса на основе решений ООН.

Дополнительная ноша ответственности за судьбы народа Кипра и его будущее легла на плечи Э. Папаиоанну, когда в декабре 1974 года он стал членом Национального совета — высшего совещательного органа при президенте республики.

...Чуть глуше звучал голос. Длиннее стали паузы в его речи. Но в словах Папаиоанну была та весомость законченной фактической обоснованности и алмазная твердость, которую придает мысли коммуниста огненная закалка в классовой схватке

с фашизмом, через которую прошла руководимая Э. Папаиоанну партия.

— Корни заговора хунтистов из клики генерала Иоаннидиса,— сказал Генеральный секретарь АКЭЛ,— уходят ко времени провозглашения государственной независимости Кипра (1960 г.).— Отнюдь не случаен скандальный эпизод, который произошел в кулуарах кипрского парламента в 1962 году, когда некий советник американского посольства в присутствии других вызываяще заявил Генеральному секретарю АКЭЛ: «Пока существуют США, они не допустят прихода АКЭЛ к власти». Да, именно в те годы началось систематическое империалистическое вмешательство во внутренние дела кипрской республики.

Папаиоанну сделал паузу. Встал с кресла и прошелся по комнате.

— Пресловутый план Ачесона (1964 г.),— продолжал Генеральный секретарь АКЭЛ, как всегда точно назвав и имя американского госсекретаря, и дату из хроники империалистического вмешательства США в Восточном Средиземноморье,— предусматривал расчленение острова, а в его вводной части подчеркивалось, что для осуществления этой цели «необходимо избавиться от президента Макариоса и АКЭЛ».

Тогда и теперь,— сказал руководитель АКЭЛ,— империалисты никак не могут примириться с существованием независимого, суверенного, целостного и неприсоединившегося Кипра, где действует партия рабочего класса—АКЭЛ, пользующаяся столь большим влиянием в народе. Их раздражает, что небольшой по численности народ (население Кипра немного превышает 650 тысяч человек.— В. М.) продемонстрировал способность срывать вынашиваемые НАТО планы расчленения острова.

— Тем самым кипрский народ перечеркивает и тайные козни ЦРУ?— спросил я Папаиоанну.

— За кулисами заговора против Кипра стоит ЦРУ,— сказал Генеральный секретарь АКЭЛ.— Во имя осуществления реакционных замыслов тратятся десятки миллионов долларов: только в 1973—

1974 годах, по сведениям ответственного сотрудника ЦРУ Хефнера, было израсходовано 60 миллионов долларов на антикоммунистическую деятельность в нашей стране.

Раскрывая «режиссуру» закулисных постановщиков кипрской трагедии 1974 года, Э. Папаиоанну точно расставил акценты и определил «роли», отведенные в верховных инстанциях агрессивного Североатлантического блока «младшим» партнерам США по НАТО.

— Империализм использовал свою хунтистскую агентуру в Греции и на Кипре для организации предательского путча 15 июля 1974 года, поставил себе на службу анкарских шовинистов и реакционеров, осуществивших 20 июля вторжение на остров. Чего добивались империалистические круги, их агентура, осуществив этот двойной удар? — задал вопрос Э. Папаиоанну. — Ответ может быть только один: их целью были ликвидация кипрского государства, раздел Кипра между Турцией и Грецией, укрепление юго-восточного фланга НАТО и превращение острова в свой мощный военный плацдарм.

Хотя в конечном счете и довольно быстро антиправительственный мятеж провалился — уже 23 июля 1974 года самозванный «президент» Никос Самсон объявил о своей отставке и в тот же день мир узнал о падении афинской хунты «черных генералов». Хотя ближайшей цели путчисты и стоявшие за ними силы не достигли (заговорщикам не удалось физически устранить президента Макариоса, разгромить прогрессивные силы Кипра и их авангард — АКЭЛ и присоединить большую часть Кипра к Греции, то есть осуществить энозис), однако иностранная интервенция привела к фактическому разделу острова и усилению военного присутствия США, Англии и Турции. И все же для реализации антикипрских планов США и НАТО существование Республики Кипр по-прежнему выступает главной помехой. Провал кипрской авантюры

не образумил и не охладил пыл врагов свободы, независимости и территориальной целостности Республики Кипр. Их конечная цель все та же — превратить остров в «непотопляемый авианосец» агрессивного Североатлантического блока и Пентагона на подступах к Ближнему Востоку и его нефтяным источникам.

И вновь империализм плетет сети заговоров против Кипра, мечтая довершить преступное дело, начало которому положили события лета и осени 1974 года. Враги Кипра не брезгуют и откровенно фашистскими, террористическими методами, предостерегает АКЭЛ киприотов. Из содержания магнитофонной записи, которую стоящие вне закона элементы подбросили в помещение одной никосийской буржуазной газеты, стало известно о создании так называемых бригад смертников-фанатиков на службе крайней реакции.

Рекомендуя продлить мандат вооруженных сил ООН по поддержанию мира на Кипре, истекавший 15 июня 1983 года, еще на шесть месяцев, учитывая обстановку на острове и развитие связанных с Кипром политических событий, генеральный секретарь Организации Объединенных Наций Х. Перес де Куэльяр отмечал в своем докладе Совету Безопасности, что Кипр уже почти два десятилетия остается одной из самых «горячих» точек планеты, часть острова все еще под тяжестью иностранного военного «присутствия»...

«Серые волки» на коричневом поводке

Выстрелы на площади Св. Петра

Будучи однажды в Риме и осматривая его достопримечательности, я побывал на площади Св. Петра в Ватикане. Запомнились огромные толпы паломников и иностранных туристов. Дворцовая колоннада «повторяла» знакомые фрагменты «Вечного города», запечатленного на холстах мастерами Возрождения. Такими же, сошедшими с картин персонажами являлись любопытному взору сановитые придворные папской резиденции. В роскошных пурпурных, синих и черных мантиях, перебирая янтарные четки и изредка осеняя крестным благословением холеной руки то одного, то другого ревностного католика из толпы зрителей, кардиналы в сопровождении церковников рангом пониже чинно и неторопливо пересекали огромную брусчатую площадь.

Глядя на блестящие латы, острые секиры, кольчугу и рыцарские шлемы одетых в средневековую форму швейцарцев-гвардейцев из наружной охраны ватиканского дворца, вряд ли кому-нибудь из находившихся на площади Св. Петра могла прийти мысль о том, что несколько лет спустя ни эта бравая «парадная защита» папского престола, ни стоящие рядом с ними карабинеры, ни секретные агенты полиции и службы безопасности, затесавшиеся среди толпы, не помешают ультраправому террористу разрядить пистолет в «наместника Христа» на земле...

Покушение на главу римско-католической церкви Иоанна Павла II было совершено 13 мая 1981 года, днем, в Ватикане, на площади Св. Петра, в присутствии многих тысяч людей.

Миллионы телезрителей вечером того же 13

мая увидели в программе последних известий, как преступник произвел выстрелы из пистолета в то время, как папа римский в открытом белом «джипе» проезжал по площади перед началом своей традиционной проповеди, с которой он обращается к верующим каждую среду.

Папа Иоанн Павел II стоял в машине, улыбаясь, в то время как «джип» двигался по узкому коридору, обозначенному в толпе деревянной загородкой. Папа пожимал протянутые к нему руки, дотрагивался рукой до детских головок, выполняя ритуал общения главы римско-католической церкви с паствой. И в этот момент черноволосый парень невысокого роста выхватил пистолет и почти в упор произвел четыре выстрела в папу. Иоанн Павел II, пораженный пулями, осел в машине. Она тут же рванула с места и понеслась к боковым воротам собора Св. Петра, где всегда наготове карета «Скорой помощи».

Через несколько минут папа был доставлен в операционный зал больницы «Джемелли», находящейся сразу за Ватиканом. Врачебный осмотр показал: папа римский ранен тремя пулями в руки и живот, однако ни один из жизненно важных органов не был задет.

Наиболее тяжелое ранение оказалось в полости живота. После пятичасовой операции глубокой ночью папа пришел в себя, поблагодарил президента Италии А. Пертини и других членов кабинета, навестивших его в больнице, за выражение сочувствия.

В панике и сумятице, возникшей на площади после того, как прогремели выстрелы, в толпе не сразу заметили еще две жертвы покушения. Одна из пуль, поразив Иоанна Павла II, на вылете тяжело ранила в грудь американскую туристку Анну Хоудр шестидесяти лет, из Буффало; четвертая пуля ранила молодую американку Розу Холл.

Террорист, стрелявший в Иоанна Павла II, сразу после покушения бросился бежать, но через несколько шагов был схвачен кем-то из толпы и полицейскими из папской охраны. Арестованного до-

ставили в полицейский участок и обыскали. Документов при нем не обнаружили. На первом допросе покушавшийся заявил, что зовут его Мехмед Али Агджа, ему 23 года и он «родом из Турции»...

В ходе проведенного в Италии следствия по делу Мехмеда Али Агджи стала очевидной его связь с крайне правыми террористическими организациями широкого международного спектра. «Мы полагаем, что можно документально доказать, что Мехмед Али Агджа действовал не один», — заявил корреспондентам заместитель государственного прокурора Италии Л. Инфилизи. Вскоре сообщник террориста был арестован в Генуе. Им оказался некто Мехмед Сеннер. Установлено, что он вступил в контакт с итальянскими неонацистами и достал для Мехмеда Али Агджи пистолет, из которого тот и стрелял в Иоанна Павла II.

Представитель министерства внутренних дел Италии информировал прессу, что покушавшийся на папу римского террорист Агджа в течение шести месяцев числился в списках разыскиваемых Интерполом особо опасных преступников. Объявления с его приметами были вывешены буквально на всех пограничных пунктах. И тем не менее преступник свободно разъезжал по Западной Европе, располагая «безупречными документами» — поддельными паспортами на имя Фарука Осгуна Али Хуссейна и Али Муссейна.

Уже вскоре после покушения агентство «Италия» отмечало реальность предположения о международном заговоре в организации преступления в Ватикане. И эта версия обретала все более документированное подтверждение. Агджа не заметал следы, назвав себя «турецким подданным».

Расследование, проведенное анкарскими властями, выявило основные вехи биографии опасного преступника.

Агджа родился на окраине небольшого города Хекимхан (в провинции Малатия) в юго-восточной Турции. Место это слыло очагом непрекращаю-

щихся стычек и конфликтов на религиозной основе между проживающими здесь курдами и турками, сунитами и шиитами. По словам лондонской «Обсервер», «Агджа, достигнув совершеннолетия, стал так же привычно носить при себе оружие, как англичанин — зонт». Рано лишившись отца-крестьянина отнюдь не большого достатка, Агджа воспитывался в местной школе, потом поступил в учебное заведение, готовившее учителей. «В 1970 году, — свидетельствует «Обсервер», — подобные учебные центры были очагами политического фанатизма, и Агджа был вымуштрован в духе крайне правых доктрин». В 1978 году Агджа, подобно тысячам других молодых людей из отсталого восточного региона, направился в Стамбул. Здесь он поступил на экономический факультет Стамбульского университета, но вскоре был отчислен.

Свой «послужной список» террористических актов боевик «серых волков» открыл вечером 1 февраля 1979 года.

...Абди Ипекчи — главный редактор либерально-буржуазной газеты «Миллиет» возвращался из редакции домой на машине. В нескольких метрах от дома машина Ипекчи попала в уличный затор. И в этот момент стоявший на краю тротуара молодой человек прошел очередь из автомата боковое стекло автомобиля, мгновенно убив главного редактора «Миллиет».

После покушения террорист направился пешком на соседнюю улицу, где сел в поджидавшую его машину, которая сразу же тронулась и скрылась. «Это было в высшей степени профессионально осуществленное покушение», — писала западная пресса. Как позже было установлено, после убийства Ипекчи покушавшийся, а им оказался Агджа, вернулся в родной город. Там «серый волк», обгравший руки кровью своей первой жертвы, выступил перед правозэкстремистскими «коммандос» — членами местного «исламского клуба», выполняющего, по словам лондонской газеты «Обсервер», «грязную работу для партии националистического движения (ПНД) Альпарслана Тюркеша»,

Лишь 25 июня 1979 года полиции удалось напасть на след террориста и арестовать Агджу в Стамбуле, предъявив обвинение в убийстве Ипекчи. На допросах террориста лично присутствовал министр внутренних дел Турции Хасан Фехми Гюн. По словам английской газеты, у министра сложилось впечатление об Агдже как о «хладнокровном убийце, чья театральная попытка разыгрывать из себя параноика была всего лишь позой».

Суд приговорил террориста к смертной казни. Однако буквально за несколько дней до того, как приговор должен был быть приведен в исполнение, Агджа бежал из стамбульской тюрьмы при довольно загадочных обстоятельствах. Некоторый свет на эту темную историю пролил арест в мае 1981 года одного из членов полиции, чья подпись стояла на подложном документе Мехмеда Али Агджи, и еще двух лиц, причастных к его побегу.

В побеге 25 ноября 1979 года, утверждает «Обсервер», «ему помогли пять солдат правого толка из персонала стражи сильно охраняемой стамбульской тюрьмы «Мальтепе», снабдившие Агджу военной формой».

Через три дня в Стамбул должен был прибыть папа римский Иоанн Павел II для встречи с патриархом греческой ортодоксальной церкви. Укрывшись в подполье, убийца главного редактора «Миллиет» оповестил эту газету, что он опустил адресованное ей письмо в почтовый ящик рядом с редакцией «Миллиет». В письме Агджа угрожал наверняка убить папу, если он прибудет в Турцию с визитом. В тот раз, однако, террорист не привел угрозу в исполнение...

Совершив побег из тюрьмы, Агджа отправился в родные места, где, как полагают, «установил контакт с лицами из ПНД», контролировавшими действия Агджи. Приблизительно к этому времени он достал фальшивый паспорт и выехал в Иран, где ему было проще скрыться в царившей там обстановке хаоса и социально-политических потрясений. После краткого пребывания в Иране Агджа вернулся в Турцию, несмотря на то, что здесь был

объявлен полицией его розыск как «крайне опасного преступника», и в середине 1980 года направился в Западную Европу.

Стало также известно о характере действий ультраправой группировки, в которую входил Агджа. На счету этой террористической организации, тесно связанной с партией ПНД и ее «серыми волками», убийства, организация взрывов и поджогов по меньшей мере пятисот жилых домов, предприятий и магазинов, зверская расправа над активистами рабочего и профсоюзного движения.

Кто укрывал террориста?

По мере раскрытия обстоятельств покушения на главу римско-католической церкви многие органы итальянской печати в своих комментариях приходили к единодушному выводу: выстрелы на площади Св. Петра — дело широкого международного заговора неонацистов, правоэкстремистская провокация на международном уровне. Не вызывает сомнений тот факт, писала, например, «Паэзе сера», что турецкий неонацист Мехмед Али Агджа не фанатик-одиночка, а исполнитель чьей-то воли. В течение полутора лет после побега из стамбульской тюрьмы этот террорист беспрепятственно пересекал границы Западной Европы во всех направлениях, тратил крупные суммы денег. Его следы были обнаружены в Испании, ФРГ, Великобритании, Дании, Бельгии, Греции. Прежде чем приступить к действиям, рассказывает французский еженедельник «Революсьон», «Агджа более трех месяцев находился в Бишвиллере, Страсбурге и Мюлузе. Именно в Эльзасе он встретился со своим сообщником Омаром Али. Кое-кто утверждает, что в тот период фашисты организовали в турецкой общине Эльзаса сбор средств для финансирования операции Мехмеда Али Агджи». Такую свободу передвижения, отмечала «Мессаджеро», можно было получить лишь благодаря покровительству и денежной поддержке со стороны неонацистских организаций этих стран. В результа-

те, констатировала итальянская газета, с помощью своих «всесильных друзей» одному из наиболее опасных террористов подпольной организации «Серые волки» удавалось постоянно ускользать от Интерпола, который разыскивал его по всей Западной Европе.

Возвращаясь к финансовой стороне террористических акций, римская газета «Республика» писала: «Кто-то платил М. Али Агдже. Ряд фактов подтверждает наличие сообщников у фашиста. Во-первых, об этом говорит наличие у него денег. Агджа в своих поездках по странам Европы тратил не менее ста тысяч лир в день. Ему требовались крупные суммы денег для того, чтобы жить, скрываясь от полиции». По сведениям из других западных источников, «на его имя были открыты крупные банковские счета в твердой валюте в ФРГ и Швейцарии». «Турецкие органы безопасности,— свидетельствует «Обсервер»,— обнаружили довольно крупные (по турецкому стандарту) банковские счета, открытые на имя его матери в Малатии и на его собственное в стамбульских банках».

«Тыл» особой надежности, судя по маршруту террориста, бежавшего из стамбульской тюрьмы, был обеспечен М. Али Агдже на территории Федеративной Республики Германии, где по сей день действуют 87 филиалов ПНД (из 129, развернутых в Западной Европе) и прочно окопались зарубежные «коммандос» «серых волков».

В Западной Германии проживает примерно от миллиона двухсот тысяч до полутора миллионов турок, главным образом так называемых «иностран-ных рабочих», покинувших родной кров в поисках работы и «лучшей доли». Среди них и орудует зарубежная организация фашистских «серых волков». Их, как и партию националистического движения в самой Турции, «возглавляет Тюркеш, бывший агент гестапо, теперь,— констатировали «Известия» 25 мая 1980 года,—получающий письменные инструкции от американского ЦРУ».

Покровители «коричневых убийц»

Помимо Турции, сообщает французский еженедельник «Революсьон», ПНД действует во всех общинах турецких иммигрантов. В частности, в ФРГ из своей штаб-квартиры в Хейльбронне, она руководит, подобно подлинной мафии, импортно-экспортными компаниями, торговлей оружием и наркотиками, игорными домами и контрабандой.

Своих активистов ПНД набирает скрытно. Она развешивает националистическую пропаганду в мусульманских культурных центрах, которыми руководит. Вся ее деятельность (в Западной Германии) пользуется поддержкой западногерманских неонацистов, отмечает «Революсьон». Главарь «военно-спортивной группы» — одной из наиболее приверженных насилию неонацистских организаций в ФРГ — Карл Гейнц Гофман заявил турецкой газете «Хюрриет» (за 22 октября 1980 года): «В нашей организации есть и турки».

С территории ФРГ фашистская партия Тюркеша, свидетельствует французский еженедельник, расширяет свою сеть, создавая группы в Голландии, Бельгии, Швейцарии и Франции (в Эльзасе).

«Турецкая разведывательная служба, — писала лондонская газета «Обсервер» в мае 1981 года, — располагает сведениями, что Агджа большую часть 1980 года провел в Западной Германии, а ее агенты утверждают, что он был замечен в Ульме и Западном Берлине» (здесь проживает около 10 000 турецких «гаст-арбайтер» — иностранных рабочих). Итак, существует широко распространенное предположение, что Агджа пользовался дружеской поддержкой в ФРГ со стороны подпольных правэкстремистов, поддерживающих полковника Тюркеша. Трансплантация бациллоносителей «коричневой чумы» турецкого образца — процесс отнюдь не стихийный. В западной прессе назывались и некоторые «скрывающиеся в тени фигуры», подобно «мистическому д-ру Канапин, который «устанавливал» контакты людей Тюркеша с западногерманской секретной службой, или Мехмеду Кенгерли, —

приводила примеры «Обсервер», — «который, как говорят, служил в войсках СС во время второй мировой войны».

Через подобных людей, писала эта лондонская буржуазная газета, Тюркеш, как подозревают, и установил контакты с пользующимися большой властью промышленниками ФРГ.

Западные источники информировали и об организованной Тюркешом «быстрой и эффективной» коммуникационной линии, по которой перебрасывалось оружие из Западной Европы в восточную часть Турции. В этих целях люди фюрера ПНД создали «внешне респектабельную транспортную компанию и использовали ее грузовики для перевозки 447 ящиков с боеприпасами в юго-восточную часть Турции».

В созданных партией Тюркеша «клубах» и так называемых «исламских центрах», в том числе за пределами страны, опытные специалисты обучали будущих профессиональных убийц — кадровых террористов организации «Серые волки». Один из «выпускников» таких «инкубаторов» правозэкстремистского террора Мехмед Али Агджа и совершил покушение на папу римского, стал убийцей редактора турецкой газеты «Миллиет».

В июне 1980 года западногерманская федеральная служба контрразведки предупредила правительства земель ФРГ о том, что «турецкие экстремисты стали представлять серьезную угрозу для внутренней безопасности». Она особенно сослалась на «возросшую агрессивную агитацию праворадикальных националистов». Полиция ФРГ полагает, комментировала эту информацию лондонская «Обсервер», что турецкие экстремисты, с которыми ей приходится иметь дело, насчитывают 29 000 ультра-левацких элементов и 26 000 ультраправых экстремистов. Обе группы прибегают к силе, и столкновения приводят к смертным случаям.

...На следующий день после на шумевшей провокационной вылазки «серых волков» в западно-берлинском районе Нойкельн, где 15 июля 1979

года была предпринята попытка сорвать традиционный праздник газеты западноберлинских коммунистов «Ди вархайт» («Правда»), я зашел в редакцию этой газеты. В международном отделе у нас зашла речь о характере подрывных идеологических действий ультраправых националистов и «серых волков» в местной турецкой общине.

— Агентура фюрера ПНД Тюркеша орудует и в Западном Берлине, и в Федеративной Республике Германии, среди соотечественников — «иностранных рабочих», прибегая и к «силовому террору» (пуская в ход ножи, взрывчатку, огнестрельное оружие, кастеты и цепи) и ведя пропаганду вот с помощью подобных публикаций, — показали мне журналисты из «Ди вархайт» несколько брошюр, переправленных в страны Западной Европы и в Западный Берлин нелегальными курьерами Тюркеша.

— Если кратко охарактеризовать содержание этой пропагандистской литературы ПНД, — пояснили сотрудники «Ди вархайт», — то оно сводится к антикоммунизму, антисоветизму, густо замешанному на расизме и разнузданном шовинизме. Подобно своим единомышленникам из кругов западногерманских неофашистов и ультраправых экстремистов «серые волки» охотно спекулируют на переживаемых Турцией экономических потрясениях, вызванных жестоким кризисом, социальных катаклизмах в этой стране, апеллируют к чувствам привязанности турок к их родине. Бьют они и по душевным струнам национальной гордости и человеческого достоинства, столь безжалостно ранимого беспощадной эксплуатацией как «своими» — турками — капиталистами, так и несравненно более могущественными западногерманскими «работодателями», а также владельцами западноберлинских концернов. По многочисленным наблюдениям социологов и политологов, в странах, где проживают турецкие рабочие-иммигранты, так называемые «гаст-арбайтер», в сети правых экстремистов и «серых волков» чаще всего попадают люди малограмотные, невежественные, головы которых одурма-

нены глубоко укоренившимися предрассудками, слепо верящие проповедям муллы и ультра-«патриотов» из стаи «серых волков» и западноевропейских филиалов ПНД.

Вооруженный террор сочетается с «психологическим». «Серым волкам» на руку материальная нужда и беспомощность соотечественников, оказавшихся на чужбине как бы между «двух берегов», в водовороте капиталистического мира, где без средств к существованию и протекции, по сути дела, иностранному рабочему-иммигранту, лишенному каких бы то ни было прав и социальной защиты, каждый день угрожает перспектива пойти на дно, оказаться без работы. Все это толкает многих иммигрантов-турок в раскрытые объятия ловцов человеческих душ из неофашистской ПНД.

Окончательной «перековкой» вчерашнего турецкого батрака или отчаявшегося рабочего, студента или люмпен-пролетария в штурмовиков ПНД, в «серых волков» занимаются многочисленные «идеалистические очаги», подобные тому, где вел агитацию после убийства главного редактора «Миллиет» профессиональный убийца из стаи Тюркеша — Мехмед Али Агджа. Филиалами этих «идеалистических очагов» как в Турции, так и в Западной Европе выступают всевозможные спортивные клубы; дзю-до, каратэ, то-кван-до. В них будущих террористов ПНД обучают не только приемам скоротечного рукопашного боя, но и прививают ненависть ко всему прогрессивному, прежде всего — к рабочему классу, коммунизму.

В этих, по сути дела нелегальных, омурах неофашизма турецкие «серые волки» контактируются как с местными правыми экстремистами и террористами, так и с уголовным миром, служа одному кумиру — наживе, проповедуя один культ — насилие, беспрекословно подчиняясь принципу фюрерства, готовые с фанатичной злобой ко всему гуманному, человеческому, передовому совершать самые тяжкие и безрассудные преступления.

— Среди сотен заводов, мастерских и лавочек, затерявшихся на узких улочках Стамбула, — расска-

Зали мнѣ коллеги-журналисты в редакциѣ западно-берлинской «Ди вархайт»,— есть текстильная фабрика, принадлежащая некоему Мурату Байраку. Фабрика как фабрика, ничем на первый взгляд не примечательная. И мало кому известно, что на территории этого предприятия проходят подготовку пресловутые «серые волки» — отряды наемных убийц неонацистского толка, практикующиеся в организации саботажа, поджогов, покушений с применением взрывчатки.

История «серых волков»,— обратили мое внимание западноберлинские коммунисты-журналисты,— уходит к временам фашистской Германии. Их нынешний лидер Альпарслан Тюркеш еще в 1944 году возглавил движение за создание «великой национал-социалистской Турции» по образу и подобию «великогерманского рейха». И не удивительно, что именно он стал доверенным лицом гестапо в Турции. Прошли годы, время смело с лица Европы коричневую паутину фашизма, но и поныне фанатичные ученики Тюркеша продолжают петь дифирамбы Гитлеру. В 1969 году новоявленный «фюрер» Тюркеш приступил к формированию отрядов «серых волков» и так называемых групп «молний», которые создавались по организационной структуре СС.

Во время одного своего истеричного выступления в 1978 году перед своими верными «серыми волками» их «фюрер»,— напомнили мои собеседники из «Ди вархайт»,— во всеуслышание провозгласил цели своей организации: «Борьба против евреев, империалистов, капиталистов, а прежде всего против коммунистов и левых!» За словами, как известно, последовали кровавые действия, тысячи террористических актов. Слепое повиновение внутри организации «серых волков» доведено до фанатизма: «Правильно не то, что подсказывает логика, разум, а то, что приказывает руководитель!» И раздаются выстрелы и взрывы, гибнут сотни «красных» и просто «левых», звучат оголтелые призывы «покончить с прогнившей демократией».

И еще один штрих к характеристике «кузницы

кадров» ПНД уже в самой Турции. Многие студенческие общежития попали здесь под контроль штурмовиков, свидетельствуют очевидцы, и превратились как бы в казармы, с дежурными, рапортами, полувоенной дисциплиной, со складами холодного и огнестрельного оружия.

Вот из таких-то «идеалистических очагов», под прикрытием которых ПНД готовит отряды вооруженных штурмовиков, и спускаются с коричневого поводка «серые волки» на проведение жестоких террористических акций.

Секретное randevu

Согласно информации турецкого бюллетеня «Палс», Анкара неоднократно обращалась к властям ФРГ с требованием выдать бежавшего преступника, террориста из банд «серых волков» Агджу. Однако эта просьба турецких властей так и осталась без ответа.

Кое-какие, впрочем, весьма существенные и важные моменты, проливающие свет на объяснение подозрительной неуступчивости западногерманских властей в том, чтобы содействовать разоблачению и преданию суду террористической агентуры реакции и правых экстремистов, в частности боевиков «серых волков», вскрыл западногерманский журнал «Шпигель». В 1980 году гамбургский еженедельник разоблачил негласные «контакты» ярого антикоммуниста и поборника «холодной войны» Ф.-Й. Штрауса с фашистами и правыми экстремистами разных стран, которых лидер баварского ХСС собирает под свои знамена «крестового похода» против «красной опасности». На этом поприще представитель правых кругов выступает отнюдь не в роли «одинокого солиста». Ф.-Й. Штраус действует как выразитель интересов главных инициаторов и вдохновителей широкого похода международной реакции, возглавляемой «ястребами» из Вашингтона и стремящейся любыми средствами вернуть империализму утраченные позиции. Понятна поэтому яростная реакция, с которой Штраус и его едино-

мышленники и сообщники встретили публикацию «Шпигеля». Партия Штрауса подала в суд на журнал, обвинив его в «применении уголовных методов с целью оклеветать ХСС и его председателя». Однако суд вынес решение в пользу журнала «Шпигель», документально подтвердившего достоверность приведенных в статье фактов. В том числе — о связях премьера земли Бавария с турецкими «серыми волками» и его контактах с фюрером ПНД.

Рассказывая о секретном randevу Ф.-Й. Штрауса с главарем ПНД, «Шпигель» заметил, что встреча состоялась в русле новых сделок Штрауса «с экстремистами, в том числе и с такими, которых чураются его друзья-христиане».

Как всегда тайно, Штраус пригласил к себе Альпарслана Тюркеша, лидера турецкой партии националистического движения и ее молодежной террористической организации, пресловутых «серых волков», приводит подробности этой встречи «Шпигель». «Серые волки», отмечает западногерманский журнал, несут ответственность за сотни политических убийств и других актов насилия, совершенных в Турции, а также за расправы с иностранными рабочими в ФРГ. Партия Тюркеша считает Гитлера и Муссолини своими «духовными отцами» и открыто признает в своей программе, что исповедует «национал-социализм германского образца».

Если тогдашнего председателя фракции ХДС/ХСС в бундестаге Гельмута Коля шокировала подобная откровенная реклама родственных духовных уз «серых волков» с фашизмом и он отказался принять Тюркеша, то у Штрауса был иной взгляд на целесообразность таких «контактов». Баварец с вниманием прочел письмо, адресованное ему одним из помощников Тюркеша Мурак Байраком. Пожаловавшись на отказ Г. Коля, ближайший подручный фюрера ПНД и «серых волков» апеллировал к Штраусу:

«Считая, что г-ну Колю и Вам будет небезынтересно ознакомиться с точкой зрения г-на Тюркеша по актуальным и жизненно важным проблемам (как

то: НАТО, ЕЭС, усиление советского влияния и опасности), я за неделю до его прибытия в Бонн попытался организовать встречу г-на Коля и г-на Тюркеша. Но г-н Вегенер, возглавляющий отдел иностранных связей ХДС, сказал мне по телефону, что г-н Коль принципиально против такой встречи. Я попытался объяснить ему, что такие принципы, как мне кажется, не отвечают интересам ХДС, Германии (ФРГ.— В. М.) и свободного мира. Вероятно, мои замечания ему не понравились, иначе мне трудно объяснить его невежливое поведение: он просто бросил трубку».

Франц-Йозеф Штраус, однако, замечает «Шпигель», не разделял сомнений Коля. 28 апреля 1978 года он принял в Мюнхене Тюркеша — ведь речь шла о совместной борьбе против русских. Если конкретное содержание тайной и доверительной беседы осталось в сейфе Штрауса, то о ее направленности можно было составить довольно точное представление. «Баварец, принявший главара «серых волков», собирает единомышленников повсюду — будь то в Греции «черных полковников», в Чили, ЮАР, Заире, Саудовской Аравии», — пишет «Шпигель». Не приходится сомневаться, что в лице Тюркеша «баварский бешеный», как иногда называют в Мюнхене Штрауса, приобрел именно такого «единомышленника».

Стоит ли после этого удивляться, что самые преданные и активные штурмовики-убийцы из «коммандос» «серых волков» и ПНД Тюркеша, подобно Мехмеду Али Агдже (принадлежность террориста к боевикам фашистской ПНД подтвердил и бывший сотрудник ЦРУ Ф. Терпил), чувствовали себя в наибольшей безопасности, находясь за границей, именно в ФРГ. Ведь нити гласных и закулисных связей тянулись из баварской штаб-квартиры ХСС не только к штаб-квартире партии националистического движения в Анкаре и ее фюреру Тюркешу, но и к тем влиятельным кругам, в арсенале которых в качестве «боевого резерва» неизменно фигурировали также и «серые волки» ПНД.

Одна из таких «нитей», связавшая имя Ф.-Й. Штрауса с руководителями реакционных сил, ведущих подрывную, заговорщическую деятельность против независимости и территориальной целостности Республики Кипр, в резерве которых числятся и откровенно профашистские, террористические организации, всплыла в конце 70-х годов.

Корреспондент шпрингеровской газеты «Вельт ам зоннтаг» взял в Никосии интервью у лидера турецкой общины Денкташа. В связи с курсировавшими в то время слухами о новом заговоре против законного правительства Кипра в западной прессе упоминались два имени: бывшего советника-посланника ФРГ в Никосии Пауля Курбьюна и лидера ХСС Ф.-Й. Штрауса как «якобы осведомленных» об этом заговоре. Штраус, согласно информации «Вельт ам зоннтаг», поспешил категорически опровергнуть свою причастность к этому делу. Когда же корреспондент западногерманской газеты спросил Денкташа, встречался ли он лично с Францем-Йозефом Штраусом, руководитель турецкой общины хотя и дал уклончивый ответ, однако не исключал возможность своей встречи «либо как журналиста, либо как дипломата» с Штраусом.

Понятно, не в интересах того же Денкташа и его окружения из руководства турецкой общины, осуществивших сепаратистскую акцию по созданию так называемой турецкой республики Северного Кипра, раскрывать адреса атлантических кругов, рьяно содействующих фактическому расколу Кипра и превращению острова в военно-стратегическую базу НАТО и США. В русле нашего рассказа контакты Ф.-Й. Штрауса с турецкими неофашистами и правыми экстремистами, в том числе и с ультрареакционерами на Кипре, выступают наглядной иллюстрацией широкого переплетения на международной арене империалистических сил, активно прибегающих к услугам террористических организаций, помеченных свастикой, и их боевиков на «коричневом поводе», с пистолетами, автоматами и взрывчаткой.

Лицом к лицу

В один из приездов на Кипр в середине 70-х годов, когда то в одном районе острова, то в другом мирное течение жизни нарушали вылазки террористов из реакционного подполья, контролируемого спецслужбами НАТО и ЦРУ, гремели взрывы и выстрелы врагов республики, мне довелось побывать в резиденции лидера турецкой общины в Никосии, находившейся в ее «турецкой части», за так называемой «Зеленой линией».

Денкташ согласился принять советского журналиста и дать ему интервью по вопросам, касавшимся положения на Кипре и вокруг него.

...Машина миновала узкий коридор между двумя рядами железных бочек, покрашенных в белый с зелеными полосами цзет, и остановилась у опущенного шлагбаума на самой границе «турецкого сектора» кипрской столицы. Справа и слева проезд в «турецкий анклав» замыкали сторожевые башни с амбразурами пулеметных гнезд. Над одной из них развевался флаг войск ООН, над другой — Республики Кипр. Чуть дальше, за узкой полосой «ничейной» земли, поднимались строения турецкого сторожевого поста. Над ним колыхалось полотнище с изображением полумесяца.

Патрульный из корпуса безопасности Кипра, закинув за спину черный автомат, откозырнул и, бегом просмотрев наши документы, махнул рукой в «турецкую часть» города.

— Пожалуйста, проезжайте... Счастливого пути,— напутствовал он нас по-гречески.

С вышки сторожевой башни за процедурой контроля внимательно наблюдали белобрысые и голубоглазые парни, одетые в форму цвета хаки, с надвинутыми на лоб голубыми беретами. Это были солдаты из войск ООН, посланных на Кипр по решению Совета Безопасности Организации Объединенных Наций для предотвращения конфликтных ситуаций и вооруженных столкновений между киприотами-греками и киприотами-турками вдоль рубежей «Зеленой линии». Мандат на пре-

бывание контингента войск ООН на острове Кипр Совет Безопасности возобновляет каждые полгода вот уже в течение многих лет.

...Когда перед нами поднялся полосатый шлагбаум уже по ту сторону «Зеленой линии», турецкий патруль, пропустив нашу машину на метр за белую полосу на асфальте, приказал остановиться. Пришлось вновь предъявить паспорта. Контроль демонстративно носил более «жесткий» характер. Разумеется, лишь формально. Хотя по конституции Республики Кипр на всей ее территории (включая так называемые «турецкие анклавы») имела законную силу документация, выданная центральной властью в Никосии, в том числе и аккредитационные карточки иностранных корреспондентов, турецкий военный патруль потребовал наши паспорта.

— Это,— небрежно ткнул пальцем в аккредитационный документ начальник патруля,— вы предъявляйте... там,— и он повел дулом автомата в сторону «греческой части» Никосии.

Вступать в пререкания мы, конечно, не стали. Это было бесполезно. Больше того, нас предупредили: турецкая охрана на контрольно-пропускных пунктах способна действовать по произволу и вообще не разрешить проезд в анклав.

Вернув паспорта и угрюмо козырнув, патрульный разрешил следовать дальше.

И по внешнему виду этой части Никосии, и по царившей на улицах атмосфере «турецкий анклав» заметно отличался от «греческой части» кипрской столицы. Меньше было людей. Зато во многих местах мы видели турецких военных. Ощущалась придавленная солдатским каблуком молчаливая покорность жителей. Бедно одетые киприоты-турки испуганно поглядывали на военных, которые всем своим видом — надменным и презрительным — демонстрировали, кто здесь полновластный хозяин.

...Наконец мы добрались до небольшой площади. Со всех сторон ее тесно окружали старые двухэтажные дома. В одном из них, с вывеской магазина тканей, разместившегося на первом этаже, и находилась резиденция Денкташа. Чтобы попасть

в нее, пришлось пройти под аркой. Она служила воротами во внутренний двор.

Свернув под той же аркой в подъезд, я поднялся на второй этаж по узкой деревянной винтовой лестнице.

Ступени тускло освещала лампа слабого накала. Так что ступать приходилось почти на ощупь. Видимо, «затемнена» лестница была не без умысла. Ни снаружи, ни внутри дома ничто не выдавало постороннему лицу, что в этом непрезентабельном строении оборудовал «приемный кабинет» властный господин, фактически наместник Анкары, в руках которого сосредоточены все бразды правления турецкой общиной на Кипре.

Переступив порог столь же слабо освещенной прихожей, я увидел за небольшим письменным столом молодого турка атлетического сложения. Это, как вскоре выяснилось, был личный секретарь Денкташа и одновременно один из его телохранителей.

Он поднялся мне навстречу и заметно настороженно заслонил своим массивным торсом еще одну дверь, укрытую бархатной портьерой.

Я назвал себя. Секретарь-телохранитель кликнул кого-то из смежной комнаты, и в тесной прихожей появился еще один рослый парень. Однобортный коричневый пиджак еле сходил на его груди. Под полой угадывалась наплечная кобура. Короткая стрижка «бобриком» на голове боксерского стандарта лучше всякой визитной карточки характеризовала роль этого субъекта в окружении лидера турецкой общины.

Он сел на место секретаря, скрывшегося за дверью, откинув угол портьеры, и, упершись локтями в стол, довольно бесцеремонно разглядывал незнакомого посетителя. В глазах телохранителя читалось откровенное недружелюбие.

— Проходите, мистер Денкташ вас ждет, — уже более любезно обратился ко мне секретарь, вынырнувший из-под портьеры.

Я шагнул через порог и в глубине небольшого кабинета увидел за письменным столом грузного

человека средних лет. Он сидел развалившись в неглубоком кресле. Инстинктивно почувствовал я и еще чье-то присутствие. Оглянувшись, увидел в углу на полу расprostертую овчарку. Собака вся напряглась, шерсть на загривке ошетижилась. Она была готова к молниеносному прыжку на вошедшего по первому знаку хозяина. Можно было не сомневаться: овчарка вцепилась бы в горло человеку и при любом подозрительном жесте рук посетителя. Ясно, что она соответствующим образом выдрессирована и натаскана, выступая в роли одного из самых надежных стражей в личной охране Денкташа. «Выразительный символ «серых волков», — подумалось мне в ту минуту.

— Надеюсь, она не мешает нашей беседе? — ухмыльнулся Денкташ и поднялся из-за стола. — Какого кофе хотите, по-гречески или по-турецки? — не без иронии (ведь «гость» прибыл с «враждебной стороны»), все с той же далеко не приветливой, хотя и протокольно вежливой улыбкой спросил Денкташ, приглашая расположиться на маленьком диване.

— В чужой монастырь со своим уставом не ходят, — ответил я. — Так что пусть кофе будет на ваш вкус.

Пока охранник, он же секретарь, расставлял чашки и разливал черный как смоль, густой, горячий напиток, я смог, что называется, вплотную взглянуть одного из представителей махровой реакции в «турецком анклав». Денкташ никогда не скрывал своей враждебности к коммунистам и марксизму вообще, не раз направлял против «левых» оружие террора.

Не зная Денкташа, по внешнему виду можно было принять его за адвоката, клерка страховой компании, агента по торговле недвижимостью, журналиста (коим он также успел побывать) и даже за биржевого маклера. В его манере держаться, вести разговор проскальзывала свойственная всем этим профессиям в буржуазном мире напористость, хваткость, стремление из каждого контакта извлечь ощутимую выгоду, политический и

престижный дивиденд. А если это исключалось, то хотя бы «подать» себя собеседнику в броском, «рекламном» стиле.

Запоминалась крупная, массивная голова с высоким лбом и большой лысиной, черные глаза навывкате с этакой меланхолической поволокой. Мясистые губы были постоянно искривлены в снисходительную, чуть-чуть иронически-презрительную улыбку. Его излюбленная манера — при разговоре «задумчиво» подпирать кулаком щеку, опершись локтем об стол. Холеная свисающая складка под подбородком прибавляла к его портрету колоритный штрих преуспевающего буржуа, не чуждого интеллектуальных запросов.

За всей этой оболочкой скрывалась натура коварного, хитрого и жестокого политика, для которого все средства были хороши, если работали на его главную цель — взойти на вершину пирамиды власти и повелевать оттуда людскими и государственными судьбами.

Денкташ, разумеется, понимал, что мне известен его закоренелый антикоммунизм, как и нескрываемая враждебность по отношению к Республике Кипр — как территориально целостному, суверенному и независимому государству, в котором бы обе общины — греческая и турецкая — жили в мире и добром согласии, не разделенные ни национальными, ни религиозными, ни шовинистическими барьерами, которые на протяжении десятилетий создавали на острове колонизаторы, агентура НАТО и реакция. Еще в январе 1964 года на пресс-конференции в Лондоне Денкташ намеренно запугивал Запад, утверждая, что если державы-гаранты (то есть Англия, Турция и Греция) «уйдут с Кипра» (то есть согласятся на его демилитаризацию, ликвидацию своих баз и полный вывод иностранных войск — английских, турецких и греческих, дислоцирующихся на острове), то там, мол, произойдет коммунистический переворот и Кипр станет «коммунистической базой, Кубой Восточного Средиземноморья».

В течение всего нашего разговора, длившегося

около часа; Денкташ из всех катализаторов напряженности и перманентно возникавших кризисных ситуаций на Кипре и вокруг него затрагивал лишь один, помеченный им клеймом — «Сделано в Афинах». И очень старался внушить собеседнику мысль, что во всем, дескать, виновата «позиция Макариоса», особенно предпринятые в ту пору правительством Никосии некоторые (весьма скромные) меры по повышению обороноспособности Республики Кипр и нейтрализации заговорщической деятельности врагов из стана местной реакции.

За недосказанным в сетованиях Денкташа на некую политику «ущемления экономических, национальных и правовых интересов турок» на Кипре, дескать, проводившуюся центральным правительством островной страны, угадывалась никогда не остывавшая ненависть к политике неприсоединения президента Макариоса, которая неизменно встречала горячую поддержку подавляющего большинства киприотов, в том числе и многих простых турок.

Обходил стороной Денкташ и вопрос о демилитаризации Кипра, избавлении республики от английских баз, являвшихся своеобразными «кузнечными мехами», раздувавшими на острове тлеющие угли подрывных действий натовской агентуры и террористического подполья генерала Гриваса. Молчание Денкташа в этом вопросе было красноречивым и не случайным. Уж кому-кому, а ему было хорошо известно, какой «коммуникационной пуповиной» были связаны те же английские базы с действующими на Кипре террористическими группами и организациями крайне правого толка.

Еще в марте 1964 года газета партии АКЭЛ «Харавги» опубликовала секретный документ, датированный 17 апреля 1959 года, разоблачавший тогдашнего председателя парламента турецкой общины Денкташа в том, что еще до провозглашения Кипра республикой и предоставления ему независимости он дал согласие работать на английских колонизаторов. «Денкташ,— говорилось в донесе-

нии английского чиновника британскому губернатору на Кипре генералу Хардингу,— с удовольствием принял наше предложение, он просил придать факту вооружения ТМТ (полувоенное формирование кипрских турок — «Тюркие миллиет тешкиляты». — В. М.) политическую окраску. Одновременно он просит соответствующих гарантий и ждет указаний».

Этот документ, комментировала газета «Харавги», был направлен в адрес кипрского правительства турком-киприотом, работавшим в то время вместе с Денкташем, который не пожелал назвать своей фамилии, опасаясь репрессий со стороны экстремистов.

Опасения эти были более чем обоснованны. Террористическая организация ТМТ, руководимая лидерами турецкой общины, стала в руках местной реакции оружием кровавой и беспощадной расправы над всеми неугодными и демократически мыслящими лицами в «турецких анклавах» на Кипре. На счету ТМТ — убийства коммунистов киприотов-турок, членов АКЭЛ, рабочих и профсоюзных активистов, не покорившихся тотальному ультраправому «порядку», насажденному в анклавах с помощью военных штыков «третьей державы-гаранта» (анкарских милитаристов) и массового террора ТМТ. Имя Рауфа Денкташа оказалось связанным с «кровавым рождением», как вошла в историю Кипра вооруженная стычка 21 декабря 1963 года между полицейским патрулем киприотов-греков и группой киприотов турецкого происхождения, спровоцированная агентурой НАТО на Кипре. Инцидент этот, отмечают историки-международники, «перерос в массовые кровавые столкновения между вооруженными отрядами греков и турок. Они повлекли за собой сотни человеческих жертв, в том числе среди женщин и детей. Почти десять дней на Кипре лилась кровь».

Во время этой резни, напомнил девятнадцать лет спустя выходящий в Париже журнал «Африка-Ази», «когда многие киприоты-турки были убиты крайне правой греко-кипрской организацией

«ЭОКА-2», совершавшей убийства также среди киприотов-греков, не поддерживавших идею энотизиса, которую защищал лидер организации Гривас», Турция в качестве репрессий подвергла бомбардировкам северное побережье острова. «Остальное было поручено киприоту-турку Рауфу Денкташу, который в период английского господства был главным прокурором и является орудием англо-американских интересов на острове. Под предлогом самозащиты Денкташ и его «Тюрк мукавемет тешкиляты» (террористическая организация ультра-правого толка.— В. М.) заставили киприотов-турок поселиться в анклавах, которые будто бы должна была защищать милиция вышеупомянутой организации» («Тюркие миллиет тешкиляты». — В. М.).

Рисуя установленный в анклавах режим беспощадного террора и беспросветного гнета, журнал отмечает: «В то время, как жизнь текла своим чередом в смешанных деревнях, где представители обеих общин (греки-киприоты и турки-киприоты.— В. М.) продолжали жить бок о бок без особых проблем, анклавы, замкнувшиеся в себе, быстро превратились в гетто страха и нищеты. Ужас, постоянно поддерживаемый сторонниками Денкташа, принудил турецкую общину подчиниться психологическому и политическому нажиму последних. Столица Никосии была разделена «зелеными линиями», отделяющими общины друг от друга. «Линия Аттилы», созданная в 1974 году войсками Турции (вдоль соприкосновения оккупированной турецким экспедиционным корпусом части острова — около 38 процентов территории Кипра — с остальной частью страны.— В. М.), фактически является лишь закреплением того, что было подготовлено в 1964 году».

Штурмовики из ТМТ подобно гривасовским боевикам из террористической организации «ЭОКА» несут ответственность за провоцирование кровопролитных межобщинных столкновений на Кипре в ноябре 1967 года, приведших к многочисленным жертвам среди мирного населения обеих общин.

Преступный след протянулся от ТМТ и ко многим другим террористическим акциям империалистической реакции на острове. Надо полагать, что не только «духовные», но и более ощутимые «родственные узы» связали контролируемую Денкташем и его единомышленниками террористическую ТМТ с неонацистской партией националистического действия (ПНД) и ее «серыми волками». Вряд ли случайно английская газета «Обсервер» (в номере от 23 августа 1981 года), сообщая биографические детали из досье лидера «серых волков», бывшего полковника Альпарслана Тюркеша (в связи с процессом над 586 членами фашистской ПНД в Анкаре и ее главарем), отметила «кипрское» происхождение фанатичного последователя и поклонника Гитлера. Во всяком случае у правительства Республики Кипр были веские основания подозревать Р. Денкташа в крайне опасных для самого существования страны происках и закулисных действиях. Когда 30 октября 1967 года Денкташ высадился вновь на острове вопреки предостережению правительства Никосии, запретившего ему въезд на Кипр под угрозой ареста и предания суду «за антигосударственную деятельность», и был взят под стражу, его появление на Кипре впоследствии прямо связывали с происшедшей вскоре, в ноябре того же 1967 года, стычке между подразделениями национальной гвардии и вооруженным отрядом киприотов-турок.

Это кровопролитное столкновение в одном из районов острова со смешанным населением явилось результатом провокации Гриваса, бросившего в бой также и греческие войска, находившиеся на острове, и артиллерию, что послужило поводом для возобновления на Кипре широких военных действий. В назревавшем тогда новом вооруженном конфликте между Грецией и Турцией явно торопились «погреть руки» (как в странах НАТО, так и на острове) ставленники реакционных кругов — сторонники «силового решения» кипрского вопроса.

Обосновавшись де-факто на Кипре, Денкташ

делал ход за ходом в своей политической игре, которая была скомбинирована не без содействия спецслужб США и НАТО, тщательно согласована и скоординирована с планами турецких реакционных кругов. Ее очередной «тур» разыгрался в июне 1976 года — через два года после антиправительственного фашистского мятежа на острове, когда после сепаратных выборов на занятой турецким экспедиционным корпусом части Кипра и вопреки конституции республики Р. Денкташ был «избран» президентом самозванного «турецкого федеративного государства Кипр» — предшественника более поздней, противозаконной сепаратистской акции руководства турецкой общины, провозгласившей создание «турецкой республики Северный Кипр». Об этом уже было сказано выше.

...В тот, однако, день, когда в кабинете Денкташа завершалась описываемая беседа, он еще довольствовался постом вице-президента Республики Кипр и председателя турецкой национальной палаты парламента Кипра. Хотя практически саботировал всякую деятельность на пользу единого государства Республики Кипр, односторонне «самоизолировав» турецкую общину на острове и установив в «турецких анклавах» режим самой откровенной военной диктатуры и неприкрытого террора. Там на корню пресекались «штыком и кинжалом» всякие порывы киприотов-турок к демократии и социальному прогрессу, добрососедству и сотрудничеству с киприотами-греками.

...Интервью Денкташ завершал, теребя шерсть овчарки под жестким ошейником. Когда, распрощавшись, я поднялся с дивана, собираясь выйти из кабинета, тотчас, вслед за мной, встал и Денкташ, все так же придерживая овчарку за ошейник. Мне тогда показалось, он был бы не прочь и спустить собаку...

Впрочем, «укус», и довольно опасный, местной охраны мне пришлось все-таки испытать. Буквально через пару дней после визита к лидеру турецкой общины я проезжал через один из ее анклавов на севере острова. Кто-то из патруля, задер-

жав меня для проверки документов у «пограничного шлагбаума», незаметно проткнул гвоздем заднюю шину моей машины. Камера спустила через несколько минут, на горном перевале, где вдрызг разбитое узкое шоссе с остатками асфальтового покрытия обрывалось с одного края в провал...

Я почувствовал, как внезапно задрожала и завиляла из стороны в сторону машина. Помощи ждать было неоткуда и не от кого. Остаться на перевале было так же рискованно, как и спускаться «на трех колесах» вниз, по крутому серпантину шоссе, скорее напоминавшему горную тропу.

Я выбрал второе. Подпрыгивая и содрокаясь всем корпусом, машина сползла с горы. Тут же, у подножия, располагались автобусная стоянка и военный пост под флагом с полумесяцем, контролируя выезд из анклава.

Патрульные в голубых беретах местного отряда войск ООН, стоя по другую сторону шлагбаума, внимательно наблюдали, как киприот-турок (шофер автобуса) по моей просьбе менял на «запаску» заднее колесо.

— Глядите, господин,— протянул он мне извлеченный из протектора острый гвоздь.

Дремавший на стуле возле бензоколонки или делающий вид, что спит, турецкий автоматчик, протянул ноги на сиденье подставленной табуретки, надвинул козырек фуражки чуть ли не до подбородка. На сей раз страж порядка демонстрировал полное равнодушие к иностранцу, покидавшему подопечный ему участок.

Была ли эта «акция» с проколом проведена по приказу «свыше» или по собственному произволу турецких военных, настроенных явно враждебно по отношению к коммунистам и советским гражданам (один из автоматчиков при въезде в анклав проверил мой паспорт с четырьмя золотыми буквами «СССР» и знал, кто перед ним), так и осталось для меня загадкой.

— Поездка могла закончиться гораздо хуже,— говорили мне впоследствии кипрские коллеги по перу.— Видели там, на дне обрыва, у въезда и

выезда из анклава, ржавые остовы легковых машин, сгоревших, с дырами от пулевых пробоев? Все это жертвы террористических актов, немые свидетели действий врагов нашей республики.

Преступления доказаны

Сбить волну терроризма, как ультраправого, так и ультралевацкого, бушевавшего в Турции, удалось военным после взятия власти в стране в результате сентябрьского «верхушечного переворота» 1980 года. Были проведены массовые аресты и изъято большое количество оружия у лиц, причастных к актам насилия. При всей противоречивости данных, опубликованных на сей счет в западной прессе (число арестованных колебалось от 25 до 100 и даже 200 тысяч, а изъятого оружия — до 800 тысяч единиц), они позволяют составить представление о масштабах разгула террора в Турции.

Приведем лишь несколько цифр из поистине кровавой статистики: только за восемь месяцев 1980 года число убитых в Турции составило 1900 человек. Больше всего жертв было в Стамбуле, где за этот период от рук террористов погиб 401 человек.

Однако и после военного переворота террористические акты в Турции еще долго продолжались. Мишенями преступных вылазок по-прежнему оставались главным образом прогрессивные организации и отделения профсоюзов. Обстреливались и полицейские участки. Совершались диверсии на предприятиях, в учреждениях. По общему мнению объективных наблюдателей, за всеми этими кровавыми злодеяниями четко проглядывался направляющий «почерк» неофашистской партии националистического движения (ПНД). Несомненна была и ведущая роль ПНД и ее штурмовиков — «серых волков», фюрера турецких «коричневых» Альпарслана Тюркеша в оргиях террора и насилия предшествующих лет.

В числе других политических партий, запрещенных военным режимом, оказалась и ПНД. Спустя

некоторое время 587 членов — активистов ультра-правой ПНД во главе с бывшим полковником А. Тюркешем предстали перед военным трибуналом в Анкаре. В ходе предварительного следствия было установлено, что ПНД и лично Тюркеш несут главную ответственность за разгул терроризма в Турции. «Им вместе предъявлено обвинение в убийстве 594 человек» в период до сентября 1980 года, сообщая о начале процесса над ПНД, отметил анкарский корреспондент лондонской газеты «Обсервер». По личному приказу Тюркеша, как подтвердили материалы следствия, были убиты видный профсоюзный деятель Турции, член Всемирного Совета Мира К. Тюрклер, начальник службы безопасности провинции Адана Дж. Юрдакул, многие другие общественные и политические деятели. «В дополнение к обвинению в терроризме, — сообщала «Обсервер» 23 августа 1981 года, — бывшего полковника Тюркеша и 219 его сообщников обвиняют в конспиративной деятельности с целью свержения правительства и установления режима фашистского стиля».

Когда в октябре 1981 года в Анкаре возобновился судебный процесс над этой группой руководящих деятелей неофашистской партии, военный прокурор потребовал приговорить главаря ПНД А. Тюркеша и 219 его сообщников к высшей мере наказания — смертной казни «...за массовые убийства турецких граждан, систематическое терроризирование местного населения и планы осуществить в Турции профашистский путч», говорилось в телеграмме корреспондента ТАСС из Анкары.

У читателя, однако, не должно сложиться впечатление, будто, нанося удар по крайне правым террористам и неофашистской ПНД, военные власти помышляли об укреплении демократических начал в общественной жизни Турции.

Явно намекая на откровенно доброжелательное и поощрительное отношение империалистических кругов США и НАТО к массовым репрессиям новых властей в Анкаре против прогрессивных организаций рабочего класса Турции, в том числе и

против коммунистической партии, проводимых генеральской хунтой под предлогом борьбы с «правым и левым терроризмом», руководитель турецкого профсоюзного объединения К. Дайсал заметил в интервью французскому еженедельнику «Революсьон» в феврале 1982 года: «Что касается терроризма, который послужил предлогом путча для генералов, то я хочу сказать следующее: нужно ли, как это лицемерно делают некоторые (на Западе.— В. М.), закрывать глаза на первое под тем предлогом, что масштабы второго сократились?»

«Борьба с терроризмом», как показали многочисленные судебные процессы, послужила поводом анкарскому военному режиму обрушить массовые репрессии на организации рабочего класса, прогрессивные силы и сторонников движения за укрепление мира.

Услуги ЦРУ

Оттеснить с политической арены потенциальных конкурентов в борьбе за власть и за привилегии и поддержку, получаемые от Соединенных Штатов Америки в обмен на предоставление Пентагону военных баз на территории Турции,—такова была одна из главных целей судебных мер, предпринятых военным режимом против партии ПНД и бывшего полковника Тюркеша. Его и его фашиствующих «серых волков» власти отнюдь не зачисляли в разряд своих «классовых врагов». Напротив, ПНД числилась в «резерве» турецкой реакции, крупного монополистического капитала, воинствующих антикоммунистов из кругов атлантистов. Не прочь были прибегнуть к «услугам» штурмовиков Тюркеша из стаи «серых волков» и резиденты Вашингтона в Турции.

В ходе следствия по делу руководящих лиц из ПНД были, в частности, выявлены тесные связи между генеральным секретарем партии националистического движения Н. Гюльтекином и бывшим первым секретарем посольства США в Анкаре

Р. Пеком. Было установлено, например, что после поездки американского «дипломата» по провинциям Чорум и Амасья там был осуществлен ряд террористических актов. Министерство иностранных дел доподлинно установило, что подрывные действия этого резидента ЦРУ, прикрывшегося дипломатическим паспортом, участие Р. Пека в подготовке наемных убийц были доказаны еще во время его пребывания на Кипре. Американские спецслужбы снабжали турецких террористов не только инструкциями, но и оружием. Заокеанскому «дипломату» еще при правительстве Б. Эджевита было в конфиденциальном порядке предложено покинуть Турцию.

Достоянием гласности стали и другие факты «тайного альянса» западных спецслужб, прежде всего ЦРУ с фашистскими молодчиками из ПНД, орудовавших при их активном содействии. «Цели преступного альянса ясны,—резюмировала французская буржуазная газета «Монд».—США стремятся сохранить в Турции все свои военные базы. Ведь именно с них ведется шпионаж за сопредельными странами. Пентагон хочет иметь доступ к Черному морю». И все, кто содействует этому, встречают понимание и помощь — долларами ли, оружием — в коридорах вашингтонской администрации и ее заморских военно-дипломатических и шпионско-подрывных служб.

Тайный резерв реакции

Попав на скамью подсудимых, главарь ПНД и его ближайшие приспешники, судя по всему, рассчитывали не только на спасительную поддержку своих закулисных покровителей из анкарского посольства США. Смягчить свою участь, а то и вообще отделаться легким приговором верхушка неофашистской партии надеялась (и не без основания), прибегнув к своим разветвленным и глубоким связям в сферах «власть предержащих». «Как отмечают местные обозреватели,—сообщал из Анкары корреспондент «Правды» 9 февраля 1981 го-

да,— в стране имеются довольно влиятельные круги, связанные с определенными консервативными слоями буржуазии, которые прилагают настойчивые усилия выгородить неонацистов». Отвечая на вопрос: «Откуда Тюркеш получал деньги и оружие и каким путем?» — корреспондент лондонской газеты «Обсервер» (от 23 августа 1981 года) сообщал из столицы Турции о «странной роли во всей этой афере министра таможи и монополий Тунджай Матараджи, входившего в кабинет Б. Эджевита с 1978 по 1979 год и очутившегося на скамье подсудимых в главном гражданском суде Анкары по серьезному обвинению в коррупции».

Вышеназванный министр был, конечно, не единственным в списке высокопоставленных и влиятельных покровителей, способных за кулисами властей склонить чашу весов турецкой Фемиды в пользу Тюркеша и его сообщников. Во всяком случае в западной прессе высказывались серьезные сомнения в реальности вынесения того приговора, которого потребовал военный прокурор. В то же время, как это делала лондонская «Обсервер», буржуазные газетчики сообщали из Анкары о «чувствах симпатии к Тюркешу ввиду его преклонного возраста (за 65) и слабого здоровья» и нежелании правившего тогда режима «превратить Тюркеша в мученика», в случае, если он «окажется единственным из казненных политических лидеров».

Когда писались эти строки, процесс по делу ПНД шел уже третий год и, по прогнозам западных журналистов, «грозил затянуться надолго». Уже сама по себе судебная волокита выводила того же Тюркеша из-под угрозы поплатиться жизнью за совершенные им и его последователями преступления, так как по действующему турецкому закону лицо, достигшее возраста 65 лет, не может быть приговорено к смертной казни.

И «...спустя два года после военного государственного переворота,— констатировал французский еженедельник «Революсьон» (в номере за 30 июля 1982 года),— ПНД, судя по всему, нахо-

дила поддержку у хунты Анкары. Это выражалось в освобождении некоторых заправил ПНД, в то время как прогрессивные деятели подвергались все более жестоким репрессиям».

Попытаемся поближе присмотреться к «кадрам» неофашистской партии ПНД, ее фюреру, отставному полковнику Тюркешу, на совести которого сотни убийств («Обсервер», 24 мая 1981 года). Из каких социальных глубин турецкого общества рекрутируется основная масса членов, попутчиков ПНД и ее штурмовиков — «серых волков»?

Бесчисленные злодеяния фашистов из ПНД красноречивее всяких слов аттестуют политическое кредо, моральный облик и целенаправленность единомышленников Тюркеша. «Будучи прежде всего организацией антикоммунистической, фашистской,— пишет французский еженедельник «Революсьон»,— ПНД повинна в массовых убийствах, таких, как расстрел демонстрации в Стамбуле 1 мая 1977 года, погромы в Караман-Мараше и в Чоруме в 1978 году, и в тысячах политических убийств прогрессивных деятелей, представителей интеллигенции, профсоюзных работников, таких, как Кемаль Тюрклер, генеральный председатель профсоюза рабочих металлопромышленности («Мадениш»), входящего в конфедерацию революционных рабочих профсоюзов Турции (ДИСК). Расистская идеология, миф вождя, полувоенная организация — все в ПНД напоминает нацистскую партию».

Остановимся лишь на одном поистине чудовищном преступлении, содеянном террористами из ПНД в городе Караман-Мараш. Адскую бомбу они заложили в местном кинотеатре. Взрыв произошел в разгар сеанса. Под обломками погибли десятки людей. Эту жестокую, бесчеловечную акцию тюркешисты называли «актом возмездия».

А вот «живой» портрет штурмовиков из ПНД, способных пойти на такое, набросанный одним из моих коллег, что называется, «с натуры».

«...На шоссе из Анкары в Измир мою автома-

шину ударил микроавтобус,— рассказывает бывший корреспондент «Правды» в Турции Алексей Васильев.— Мы оставили машину у механика (в мастерской в городишке Динаре), уговорившись, что он выправит крыло и на следующий день утром пригонит ее в Памуккале, километрах в ста от Динара, где нас ждал заказанный номер в гостинице. Два приятеля мастера согласились отвезти нас до Памуккале. По дороге познакомились. Наш водитель, как и его напарник, оказался членом правоэкстремистской партии националистического движения. Ситуация была в общем-то любопытной: по пустынной дороге в центре Турции два штурмовика везли корреспондента «Правды».

Облик водителя, его взгляды, социальное происхождение, манера держаться настолько соответствовали плакатному образу фашиста, что с трудом верилось: вот он, во крови и плоти, на переднем сиденье за рулем. У него шестьдесят гектаров земли, несколько батраков, трактор, жена, трое детей. Он уезжал на работу во Францию. «На каком языке изъяснялись?» — «По-тарзаны».— «Что понравилось?» — «Француженки. Хочу найти француженку-дуреху, привезу ее, положу муфтию на лапу — он женит. У нас в селении человек двести с двумя женами».

Низкий лоб, следы шрамов на черепе. Недавно он перевернулся пьяный на своей машине и убил пассажира. «Угрызение совести? А что это такое? Я же теперь пить бросил». Его программа ясна — раздавить коммунистов, анархистов, социалистов, установить «порядок».

Фашизм — это еще и психологическое явление. Сильная, наглая, туповатая, агрессивная личность. Ей бы в руки власть, она бы показала, на что способна. Но когда власти нет, можно с железным прутом или кастетом идти на студенческие митинги и бить «красных», особенно, если их меньше, а «волчат» в твоей стае больше...

Такие, как этот, не задумываясь, следуют лозунгам своего фюрера — Тюркеша: «Смерть коммунистам, либералам, левым!» Эти погромные кличи

главарь ПНД провозглашает, имея в виду всех, кто борется за национальные интересы турецкого народа, за суверенитет и подлинную безопасность Турции, кто требует ликвидировать американские базы и вывести страну из агрессивного блока НАТО.

В капканах «серых волков»

Стая «серых волков», которых Тюркеш и его ближайшие подручные держат на коричневом поводке, многочисленна: насчитывает двести тысяч человек! Социально эта свора весьма неоднородна. Описанный выше тип штурмовика из ПНД характерен для наиболее фанатичных последователей Тюркеша и его «программы» фашистского террора. Но есть среди них, и немало, деклассированных элементов из разных кругов общества: представители мелкой буржуазии, люмпен-пролетарии, уголовники, студенты-недоучки, опустившиеся на дно жизни личности и выплеснутая на поверхность вихрями кризисных потрясений «элита сточных канав»: авантюристы, искатели легкой наживы, сутенеры и готовые на все ради обогащения и власти человеко- и мироненавистники. В капканы «коричневых погромщиков» попало немало молодежи, отчаявшейся вырваться из беспросветной нужды (ежегодно, по данным газеты «Миллиет», армию безработных в Турции пополняют 400 тысяч человек, значительная часть которых — выпускники средних школ), и поддавшихся на социальную демагогию партии националистического движения политически отсталых рабочих, крестьян, мелких чиновников, ремесленников и торговцев, безработных. Подвизались в ПНД и политики: в бывшем парламенте «Серые волки» имели 17 мандатов.

Поставляют «рекрутов» в банды «серых волков» и геджеконду — трущобы, окружающие окраины всех турецких городов. Геджеконду — по-турецки означает «построенные ночью». «Закон, — рассказывает об этих гноящихся социальных язвах Турции итальянский журнал «Панорама», — запрещает раз-

рушать любое жилище, имеющее крышу. Вот почему по ночам крестьяне беспрепятственно строят свои лачуги. Более половины из 1 700 000 жителей столицы живут в таких лачугах. В Тызлукапре, районе трущоб на окраине Анкары, где живет 50 000 человек, на протяжении многих лет происходили кровопролитные столкновения между соперничающими вооруженными бандами. «Именно эта нищета,— заявляют арестованные (военным режимом.— В. М.) профсоюзные деятели,— безработица, коррупция создают почву для терроризма».

Анализируя социальную окраску всего спектра террора в Турции— от ультраправого до ультра-левацкого — и причины его роста, демократическая общественность искала истоки терроризма в пустившей глубокие корни классовой и политической несправедливости, царящей в турецкой действительности. «Социальный и духовный тупик, в котором оказались многие тысячи представителей студенческой и рабочей молодежи, миграция рабочих в Европу, где они сталкиваются с самыми темными сторонами западной цивилизации, массовая миграция в самой Турции, рост трущоб, куда они приносят не только нищету и социальный протест, но и обычаи кровной мести, крушение всех надежд на будущее,— все это делает эти прослойки населения такой социальной средой, которую эксплуатируют буржуазные и мелкобуржуазные партии (в их числе прежде всего неонацистская ПНД.— В. М.) в борьбе за власть» — писала незадолго до военного переворота газета «Джумхуриет».

Из этого человеческого резервуара и черпал Тюркеш пополнение для своей ПНД. Козырной картой в его кровавой и азартной политической игре стала молодежь. Представители «Серых волков» начинали идеологическую обработку назначенных кандидатур среди подростков, нередко еще не достигших совершеннолетия, с целью побудить их совершать террористические акты. «Прошедшие через подобную «обработку мозгов» во-

семнадцатилетние и моложе 16 лет турки,— делился своими наблюдениями за молодежным костяком «Серых волков» анкарский корреспондент «Обсервер» в августе 1980 года,— верят в то, что они помогают спасти страну от коммунизма». Именно эти фашиствующие юнцы «салютовали Тюркешу, когда он появился в суде».

Приведем еще несколько штрихов к портрету предводителя «Серых волков», основателя и фюрера ПНД, которого французский еженедельник «Революсьон» аттестовал как «бывшего агента гитлеровских секретных служб».

«Тюркеш давно болен «коричневой чумой»,— подметил один из журналистов, пристально и на протяжении многих лет наблюдавший за карьерой полковника.— Говорят, что в кругу своих подчиненных он по памяти цитировал страницы гитлеровской «Майн кампф». В архиве ведомства Риббентропа сохранился документ, в котором среди лиц, «наладивших хорошие отношения» с нацистами, первым названо имя выпускника офицерской школы, руководителя пантюристского движения Тюркеша. И не случайно, что созданная им партия позаимствовала программу у германского фашизма, а организация головорезов, именуемая «Серые волки»,— методы гестапо».

Итак, читатель познакомился с фактами, документами, свидетельствами очевидцев, которые позволяют получить довольно полный ответ на вопрос, кто же спускает с коричневого поводка стаю «серых волков», во имя чего творят преступления террористы из ПНД, подобные фашисту-убийце Агдже. Улики их злодеяний неопровержимы и не нуждаются в заключительном комментарии. Они говорят сами за себя.

Добавим к сказанному лишь одно: бумеранг провокаций, нацеленный рукой, которой движет пещерный антикоммунизм, ненависть к странам реального социализма, доходящая до безрассудства, в конечном счете возвращается и сокрушает да-

же самую изощренную клевету и фальсификацию.

Фиаско грязной провокации, связанной с вылазкой боевика «серых волков» на площади Св. Петра, было очевидным.

«Усиленно распространяемая на Западе фальшивка о некой причастности социалистических стран к покушению на жизнь папы Иоанна Павла II, совершенному турецким террористом Агджой из фашистской организации «Серые волки», от начала до конца дело рук главного шпионского ведомства США — Центрального разведывательного управления». К такому выводу пришел еще в январе 1983 года американский журнал «Каверт экшн» после того, как его сотрудники тщательно проанализировали истоки этой провокации. Проталкивая по каналам буржуазных средств массовой информации заведомую ложь об обстоятельствах покушения в Ватикане, ЦРУ, отмечал «Каверт экшн», преследовало многократные цели: бросить тень на СССР и его союзников, разжечь антикоммунистический психоз на Западе, попытаться сыграть на чувствах людей, в частности верующих, усилить враждебные СССР настроения в руководстве католической церкви, где все сильнее дают о себе знать антивоенные взгляды, нарастают требования заморозить ядерное оружие, положить конец гонке вооружений. Ведь правящие круги США с нескрываемым раздражением встретили папское послание американских католических епископов, в котором объявлены аморальными ключевые моменты ядерной стратегии Вашингтона, а допускаемая администрацией Рейгана возможность ядерной войны — от «ограниченной» до «затяжной» — смертным грехом.

Ставки политических шулеров из ЦРУ, стратегов «психологической войны» оказались битыми. Факты засвидетельствовали: нити организованной за океаном гнусной провокации ведут к тем вдохновителям антикоммунистического «крестового похода», кто поддерживает и насаждает репрессивные режимы, подобные пиночетовскому в Чили или «гориллам» в Сальвадоре, кто организует за-

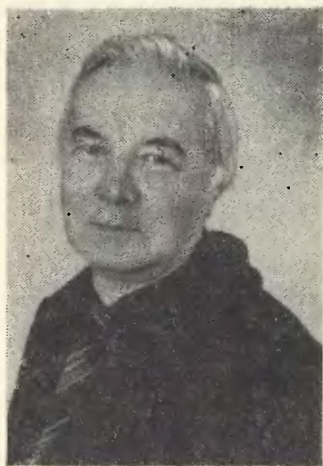
говоры против Никарагуа и Анголы, ведет «необъявленную войну» против Афганистана, снабжая оружием контрреволюционные басмаческие банды, кто покровительствует израильским агрессорам, кто, бесцеремонно попирая права человека, возвел насилие и международный терроризм в ранг своей государственной политики.

Провалилась и попытка фальсификаторов из ЦРУ беспардонной, доведенной до абсурда клеветой на социалистические страны отвлечь внимание на Западе от закулисных связей и контактов ЦРУ, спецслужб НАТО, махровой реакции с терроризмом и неофашизмом. Не удалось скрыть и их связь с ультраправой турецкой партией националистического движения (ПНД) и ее штурмовиками из организации «Серые волки».

Можно на какое-то время загерметизировать «семью печатями» секретности и сверхсекретности в бронированных сейфах Лэнгли не одно «досье» с «тайными операциями» ЦРУ. Но это — лишь отсрочка неумолимого суда истории над преступлениями империализма. Рано или поздно свой приговор произносит правда. И перед ее всеобличающим оком бессильны носители зла.

3	Полет на юг Балкан (вместо предисловия)
	Глава I. ТРОЕ СУТОК В ОСАДЕ
12	Газовая атака
14	За закрытой дверью «Комитета-40»
20	Ночь кровавой расправы
24	Там, где зверствовали каратели
30	«Складом ума он сродни Гиммлеру»
34	По сценарию «виртуоза грязных трюков»
	Глава II. БУМЕРАНГ ОПЕРАЦИИ «ПРЕЗИДЕНТ»
41	Огонь по вертолету
45	Визит во дворец
51	Кто стрелял в президента?
56	Сети заговора
58	Главари без маски
64	За спиной путчистов — ЦРУ
68	Корни мятежа
	Глава III. «СЕРЫЕ ВОЛКИ» НА КОРИЧНЕВОМ ПОВОДКЕ
73	Выстрелы на площади Св. Петра
78	Кто укрывал террориста?
80	Покровители «коричневых убийц»
85	Секретное randevu
89	Лицом к лицу
100	Преступления доказаны
102	Услуги ЦРУ
103	Тайный резерв реакции
107	В капканах «серых волков»

СТОРОНУ ПО ТУ СТОРОНУ ПО ТУ СТОРОНУ

Виталий Михайлович Меньшиков окончил Московский государственный институт международных отношений. По специальности — историк-международник.

Вся его публицистическая деятельность связана с газетой «Правда», где он работает уже 25 лет. В качестве собственного корреспондента «Правды» В. М. Меньшиков многие годы работал за рубежом: в Австрии и Швейцарии (1960—1965 гг.), Греции и Республике Кипр (1970—1975 гг.), Германской Демократической Республике и Западном Берлине (1975—1980 гг.).

Главная тема его публицистики — борьба прогрессивных сил против неофашистской угрозы и реакции. Автор ряда книг: «Тайна Чертова озера», «Под Дамокловым мечом», «На стратегическом перекрестке», «Рожденный молнией Зевса», «За кулисами информационного империализма», «Тихая оккупация», «Гвардия синеглазых», приключенческой повести «Красный сигнал» и других.